Беспоросов.
Очерк истории церкви в Англии
в. 2

E 45/260
в. 2

С 45
260

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЦЕРКВИ ВЪ АНГЛІИ,

ОТЪ ВРЕМЕНИ

ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ ДО РЕФОРМАЦІИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Священника Н. Бѣлоруссова.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ЗАМѢТОКЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЦЕРКВИ ВЪ АНГЛІИ,

ОТЪ ВРЕМЕНИ

ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ ДО РЕФОРМАЦІИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Священника К. Бѣлоруссова.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ЗАМѢТОКЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1869.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С.-Петербургъ, ноября 27 дня, 1869 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Геласій*.

Печатано въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ», на Екатерининской улицѣ, близъ Смольнаго монастыря, въ домѣ Экгардта, № 60—3.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Нѣкоторыя явленія изъ жизни англо-сакской церкви, какъ выраженіе стремленій ея къ самоуправленію и духовной свободѣ. Значеніе этихъ явленій въ отношеніи къ факту вторженія норманновъ. Завоеваніе Англіи.

II.

Перемѣны, при внесенныя завоеваніемъ въ церковный и гражданскій бытъ Англіи. Ниспроверженіе англо-сакскаго клира. Архіепископъ Ланфранкъ.

III.

Начало борьбы между духовною и свѣтскою властію. Анзельмъ.

IV.

Продолженіе и развязка этой борьбы при Генрихѣ II. Жизнь и смерть Бекета кэнтерберійскаго.

V.

Преобладаніе римской церкви въ Англіи. Іоаннъ безземельный.

VI.

Состояніе церковнаго права и литературы.

VII.

Папство въ Англіи и его стремленія.

VIII.

Протесты противъ папской системы управленія въ Англіи. Эдмалъ кэнтерберійскій и Гростетъ, епископъ линкольнскій.

IX.

Содѣйствія англійской церкви со стороны парламента.

X.

Виклифъ.

XI.

Усилія папства къ подавленію идей Виклифа, быстро распространявшихся въ Англіи.—

I.

Во второй половинѣ XI вѣка Англія покорена Норманнами. Это покореніе было ощутительнѣе для Англіи всѣхъ прежде бывшихъ: оно совершенно измѣнило бытъ страны съ ея законами, обычаями и языкомъ. Что же касается религіи, то она хотя и осталась прежнею, такъ какъ завоеватели были одной вѣры съ островитянами; однакожь внѣшняя сторона церкви, ея отношенія къ Риму, приняли такое направленіе, какого не ожидала и, вѣроятно, не желала англо-сакская церковь.

Случайно или нѣтъ пробуждался иногда въ англо-сакскомъ духовенствѣ духъ независимости,—опредѣлить съ точностью мы не можемъ. Можемъ сказать только, что англійская церковь была слишкомъ удалена отъ Рима, и папскія притязанія высказывались до времени еще слишкомъ рѣдко и слишкомъ робко для того, чтобы папа могъ непосредственно вмѣшиваться въ ея домашнія дѣла и попрепятствовать привить-

ся къ ней чувству духовной свободы и независимости отъ Рима, какое одушевляло британскую церковь. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, духъ христіанской свободы, какъ доказали факты, существовалъ и высказывался почти всякій разъ, какъ только Римъ смѣло и открыто заявлялъ свои притязанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увеличивались папскія притязанія и папскій гнетъ, усиливались отпоръ и сопротивленіе этимъ притязаніямъ и гнету. Приводимъ здѣсь нѣкоторые факты этого рода, болѣе характеристичные.—

Кэнтерберійскій архіепископъ Θеодоръ, съ согласія собора, раздѣлилъ іорскую епархію на три, и для образовавшихся вновь епархій посвятилъ двухъ новыхъ епископовъ, поставивъ ихъ, впрочемъ, въ зависимость отъ архіепископа іорскаго Уильфрида. Но какъ ни благовиденъ былъ поводъ къ раздѣленію епархіи (оно сдѣлано въ видахъ большаго расширенія предѣловъ римскаго патріархата), Уильфридъ все таки остался недоволенъ такимъ распоряженіемъ. Безуспѣшно опротестовавъ его предъ соборомъ, Уильфридъ отправился съ жалобою въ Римъ; [1] — первая аппелляція, какую

[1] Быть можетъ и потому, что, учившись въ Римѣ, онъ зналъ любимую мечту римскаго епископа.—

представляетъ англійская церковная исторія и, потому, аппелляція достойная вниманія. Папа составилъ соборъ изъ окрестныхъ епископовъ, выслушалъ жалобу англійскаго прелата и уничтожилъ постановленіе мѣстнаго собора, предписавъ англо-сакской церкви возвратить Уильфриду епархію въ ея прежнемъ видѣ и изгнать вновь посвященныхъ епископовъ подъ опасеніемъ низложенія и отлученія отъ церкви тѣхъ, которые бы осмѣлились не покориться папскому опредѣленію. Папа такъ былъ тронутъ необычнымъ и рабскимъ униженіемъ Уильфрида, семидесятилѣтняго, и такъ горячо принялъ къ сердцу его дѣло, что рѣшился неуклонно слѣдить за его исходомъ и предписалъ извѣстить Римъ о послѣдствіяхъ. Но въ Англіи, папскій авторитетъ и его предписанія, какъ видно, вообще имѣли еще мало значенія. Распоряженіе мѣстнаго собора осталось во всей силѣ: епархія все таки была раздѣлена на три; вновь посвященные епископы остались на своихъ мѣстахъ; а самъ Уильфридъ даже вытерпѣлъ 9 мѣсячное тюремное заключеніе, былъ изгнанъ изъ Нортомбріи и возвратился сюда только нѣсколько лѣтъ спустя, и то по ходатайству Ѳеодора. Повидимому, папа понялъ урокъ; потому что, когда тотъ же Уильфридъ, нѣсколько поз-

же, отклонивъ посредничество мѣстныхъ епископовъ въ дѣлѣ несогласія его съ королемъ, обратился въ Римъ, папа возвратилъ его жалобу собору мѣстной церкви. Замѣчательно, что и самъ Уильфридъ на этотъ разъ гораздо больше имѣлъ успѣха, чѣмъ прежде: духовная сторона дѣла была покончена полюбовною сдѣлкою, съ оставленіемъ епархіи раздѣленною, а со смертію короля, который „не хотѣлъ отступить отъ своего рѣшенія даже и для такъ называемыхъ апостольскихъ писемъ,“ — прекратились непріятности и съ свѣтскою властію. [1] Не можемъ не обратить здѣсь вниманія читателя на то, что фактъ этотъ относится къ тому времени, когда епископы для англо-сакской церкви высылались еще изъ Рима и должны были, поэтому, считать для себя обязательными папскія рѣшенія. На дѣлѣ оказалось, однакожь, совсѣмъ другое, и — что весьма вѣроятно — потому, что и римскіе миссіонеры не вѣрили еще въ мнимыя права папы — распоряжаться самовольно въ помѣстныхъ церквахъ (и англо-сакская церковь желала для себя большей свободы, чѣмъ какую уступалъ ей папа). —

---

[1] Всѣ приведенныя наши подробности можно найдти даже у Лингарда.

Стремленіе къ свободѣ юрисдикціи выражалось иногда и нѣсколько рѣзче. При архіепископѣ кэнтерберійскомъ Дунстанѣ папа отмѣнилъ духовное наказаніе, наложенное этимъ прелатомъ на одного изъ придворныхъ вельможъ за противузаконный бракъ его, и повелѣлъ Дунстану принять его въ общеніе съ церковію. Архіепископъ, не обративъ никакого вниманія на повелѣніе апостольскаго престола, объявилъ, что онъ до тѣхъ поръ не примирится съ отлученнымъ, пока послѣдній не раскается въ своемъ грѣхѣ, что для него нестрашны угрозы папы, и настоялъ на своемъ: виновный принятъ въ общеніе церковное только послѣ того, какъ принесъ публичное покаяніе.[1] Не думаемъ, чтобы папа не могъ привести въ исполненіе своего распоряженія, настоять на своихъ требованіяхъ, если бы вмѣшательства его въ дѣла англо-саксской церкви были дѣломъ обыкновенныхъ, санкціированнымъ, съ которымъ бы свыклись, и которое бы считали законнымъ всѣ члены англійской церкви. Онъ боролся въ этомъ случаѣ въ угоду вельможѣ и притомъ съ одною личностью, протестъ которой не только не имѣлъ бы никакого зна-

[1] Surius. De probatis s.s. Historiis. Colon. Agrip. 1572. T. 3, p. 323.

ченія, даже едвали бы возможенъ былъ въ виду общаго сочувствія къ папѣ въ пользу съ его вмѣшательствомъ. Все это приводитъ насъ къ мысли, что фактъ этотъ стоитъ въ нѣкоторой связи съ общимъ духомъ и направленіемъ англо-саксской церкви.

Правда, мы указывали доселѣ только на единичные, отдѣльные факты, чуждые всякой системы. Ея дѣйствительно еще и не было въ то время (изъ какого приведенные факты нами заимствованы). И это, какъ намъ кажется, зависѣло отъ того, что не было въ то время того, чему можно и нужно было систематически противодѣйствовать; а какъ скоро явилась потребность въ систематическомъ противодѣйствіи, выступило на сцену и это противодѣйствіе.

Въ началѣ второй половины XI столѣтія, теорія папства, какъ извѣстно, достигла полнаго своего развитія; въ кругу духовныхъ дѣлъ епископъ римскій приписалъ себѣ право отмѣнять соборныя рѣшенія, присвоилъ верховное учительство и судъ надъ всѣми, въ отношеніи къ свѣтскимъ властямъ: — подчиненность ихъ себѣ, право ставить и назначать королей и пр. Въ какое положеніе ставились съ новымъ порядкомъ вещей помѣстныя церкви, можно су-

дить изъ того, что иногда цѣлыми десятками низлагались епископы по приговору простаго діакона римской церкви. Гражданскому обществу предстоялъ тоже не менѣе рѣзкій переворотъ. Вслѣдствіе этихъ крайностей, сложилась въ римской же Церкви другая партія, партія болѣе умѣренныхъ, которая не преслѣдовала духовныхъ ни за присягу на вѣрность королю, ни за брачную жизнь, и держалась, быть можетъ, при этомъ не столь дикихъ взглядовъ и на управленіе церковію. Не беремся судить, которая изъ означенныхъ сторонъ поступала логичнѣе; не знаемъ и того, осталась ли бы партія Климента, Венедикта и др. антипапъ вѣрною своимъ принципамъ, которыхъ, на тотъ разъ, она держалась, и ужилась ли бы, впослѣдствіи, съ тѣми формами, въ которыхъ она явилась тогда. Но борьба, которую вели эти двѣ политико-религіозныя партіи, за немногими исключеніями, была почти всегда благопріятна партіи Григорія. Понятно, послѣ этого, какъ должна была смотрѣть и на эту борьбу, и на эти притязанія папскія, до нѣкоторой степени независимая, церковь англо-сакская, и какъ должна была вести себя въ отношеніи къ Риму, который въ это время систематически стремился къ подчиненію себѣ всѣхъ цер-

квей и, конечно, не могъ равнодушно видѣть чьей бы то ни было независимости. Въ личности примата Англіи, архіепископа Стиганда, мы видимъ, поэтому, только представителя англо-сакской церкви, и въ его отношеніи къ Риму видимъ выраженіе взглядовъ всей церкви англо-сакской. [1]

Этотъ прелатъ никогда не входилъ въ общеніе съ Григоріевой партію, не испросилъ ни палліума, ни утвержденія себя въ званіи архіепископа; онъ сдѣлался архіепископомъ— такъ сказать — помимо и противъ воли Рима. Мало того: онъ находился въ общеніи съ антипапами, принявъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, управленіе архіепископіею, палліумъ отъ Венедикта X, и въ то же время пренебрегалъ всѣми наказаніями, какими поражали его четыре папы Григоріевой партіи, — продолжалъ быть архіепископомъ и послѣ того, какъ Римъ объявилъ его отлученнымъ отъ церкви, низложеннымъ,—словомъ воплощалъ въ себѣ силу, которой не могли сломить, въ теченіе двадцати лѣтъ, никакіе ватиканскіе громы. И, что всего значительнѣе, взглядъ примата Англіи былъ взглядомъ не только всего англійскаго епископства, но и цѣлаго общества: никто не осмѣли-

[1] Townsendis Eccles. and Civil History of England. Lond. 1847.

вался, или не хотѣлъ порицать архіепископа за его непокорность Риму.

Какимъ образомъ воспитался въ англо-саксской церкви этотъ духъ независимости—опредѣлить не трудно: въ ней почти во всей силѣ удерживалось уваженіе къ соборамъ, а при этомъ уваженіи не могло быть и рѣчи о зависимости и подчиненіи папѣ въ томъ смыслѣ, какъ желалъ этого Римъ. Соборы эти увеличивали или сокращали число епископій, выбирали епископовъ, принимали тѣ или другія мѣры для охраненія чистоты нравовъ, цѣлости вѣры, судили епископовъ, и до того благотворно вліяли на общество, что нерѣдко самъ король прибѣгалъ къ созванію собора, какъ къ средству поднять уровень общественнаго благосостоянія.[1] Понятно, что, при такомъ значеніи соборовъ, и епископы имѣли большую самостоятельность; между ними было болѣе равенства и независимости. Они, во весь англо-саксскій періодъ, сами по себѣ, безъ обращенія къ Риму, канонизовали святыхъ, вѣдали монастырскія дѣла и монашествующихъ и т. д. А

[1] Думать, что соборы эти держались только по милости и снисхожденію папы, значило бы не обращать вниманія на неблагопріятствующіе этому взгляду факты; многіе собирались помимо папскаго вмѣшательства.

въ низшей средѣ духовенства духъ независимости поддерживался епархіальными съѣздами. Считаемъ нелишнимъ познакомить читателя съ этимъ учрежденіемъ.

Дважды въ годъ духовенство каждой епархіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ мірянъ, обязано было собираться около своего епископа. Путешествія къ сборному пункту *совершались*, насколько оказывалось возможнымъ, группами подъ братскимъ надзоромъ лицъ извѣстныхъ своею хорошею нравственностью, и притомъ у каждаго духовнаго лица были съ собою священныя облаченія. Три дня, въ которые продолжался соборъ, сопровождались постомъ. Собранія происходили въ церкви: впереди стояли священники, а позади ихъ старшій діаконъ и міряне. Засѣданіе открывалось молитвою, которую произносилъ епископъ, и затѣмъ приступали къ занятіямъ: епископъ объявлялъ постановленія послѣдняго областнаго собора, объяснялъ ихъ и рекомендовалъ усердію своихъ споспѣшниковъ. Переходили затѣмъ къ мѣстнымъ дѣламъ и къ мѣстнымъ нуждамъ: епископъ предлагалъ свои мѣры, священники обсуждали ихъ и, если принимали, принятыя мѣры, благодаря участію въ собраніяхъ представителей отъ мірянъ, сряду же вносились въ

народную среду. Соборы эти, смотря по надобности, разбирали и судныя дѣла, постановляя свои рѣшенія какъ по жалобѣ лицъ, состоящихъ въ клирѣ, такъ и по иску мірянъ на духовныхъ. Какъ при изслѣдованіи дѣлъ этого рода, такъ и въ постановленіи рѣшеній принимали участіе депутаты. Засѣданія заключались общею молитвою и благословеніемъ отъ епископа. Не можемъ не прибавить, что въ Англіи есть нынѣ мысль возстановить этотъ прекрасный обычай. [1]

Но чѣмъ прямѣе выражала англо-сакская церковь свою рѣшимость сдѣлаться независимою, и чѣмъ больше лежало въ ней основаній, поддерживавшихъ это стремленіе; тѣмъ настоятельнѣе папа съ своей стороны стремился къ покорному подчиненію ея своей власти. Духовное оружіе, какъ мы видѣли, не помогло ему, покорности волѣ Провидѣнія у него не было, а, между тѣмъ, голосъ честолюбія твердилъ ему, что полезно настоять на своемъ, и вотъ папа прибѣгъ къ мірскому оружію для достиженія цѣлей духовныхъ: онъ направилъ противъ Англіи оружіе Норманновъ съ цѣлію содѣйствія норманскому герцогу противъ Англіи

---

[1] Church history in England by Martineau, p. 231. Lond. 1853.

пріобрѣсть надъ нимъ вліяніе, подчинить и его своей власти, и такимъ образомъ принесъ въ жертву своимъ страстямъ не свободу только англо-саксской церкви, но и политическую независимость англійской націи.

Но чтобы понять всю дальновидность плановъ папы и оцѣнить всю важность пріобрѣтенія имъ въ лицѣ норманновъ своего союзника, считаемъ нелишнимъ представить здѣсь краткій обзоръ предшествующей исторіи этого народа, сдѣланный извѣстнымъ историкомъ Англіи Маколеемъ. „Въ полтораста лѣтъ своего политическаго существованія, говоритъ этотъ писатель, Норманны основали могущественное государство, усвоили все, и даже больше, чѣмъ все, тогдашнее научное образованіе и утонченность нравовъ, которыя нашли они въ занятой ими странѣ: завели у себя порядокъ, какого уже издавна не существовало во франкской имперіи; приняли христіанство и, съ христіанствомъ, изучили большую часть того, что знало духовенство. Оставили природное нарѣчіе и усвоили французскій языкъ. Быстро довели новую свою рѣчь до такой степени совершенства и значенія, которой она не достигала прежде: сдѣлали ее языкомъ письменности, внесли въ законодательство, въ поэ-

зію, въ романсъ. Отказались отъ того грубаго невоздержанія, къ которому слишкомъ склонны были всѣ другія вѣтви германской семьи. А что касается воинскихъ доблестей, то, по словамъ того же писателя, на всемъ пространствѣ отъ Атлантическаго океана до Мертваго моря не было страны, которая бы не испытала на себѣ или не была свидѣтельницею чудесъ ихъ необыкновенной дисциплины и геройства. Одинъ изъ норманскихъ рыцарей, съ горстью бранныхъ товарищей, поразилъ на голову Кельтовъ; другой основалъ монархію обѣихъ Сицилій и, страхомъ оружія, заставилъ избѣгать встрѣчи съ собою войска императоровъ Восточнаго и Западнаго.“ [1]

Отношенія Норманновъ къ Англіи, напротивъ, были почти дружественны и состояли въ торговлѣ, въ обмѣнѣ визитовъ между правителями и т. д. Быть можетъ, въ этихъ отношеніяхъ крылись виды и на англійскій престолъ; но, во всякомъ случаѣ, пущенный въ ходъ слухъ, что Эдуардъ, при смерти, словесно отказалъ престолъ свой Вильгельму норманскому, не помогъ послѣднему получить его; вступленіе на престолъ Герольда также не могло быть достаточ-

---

[1] Macaulay in his History of England.

нымъ поводомъ къ начатію войны. Видъ большей законности придалъ ей другой авторитетъ.

Въ эпоху, къ которой относится излагаемое нами событіе, дѣлами римской церкви управлялъ человѣкъ, который поставилъ себѣ цѣлію жизни достигнуть, въ пользу римскаго престола, господства надъ цѣлымъ міромъ не въ духовномъ только, но и въ свѣтскомъ отношеніи. Мы разумѣемъ Григорія Гильдебранда, бывшаго тогда только архидіакономъ римской церкви. Мысль его не нова: точь въ точь подобную власть надъ міромъ усвоялъ себѣ еще языческій Римъ, да и между епископами римскими были такіе, которые мечтали о подобной же роли. Но дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ представителей этой идеи никто не стремился съ такимъ энтузіазмомъ и вмѣстѣ съ такою осторожностію къ ея осуществленію и, нужно сознаться, никто не обладалъ такою моральною силою: умомъ, хитростью, вѣрою въ свое мнимое призваніе, какъ Гильдебрандъ. Легко представить себѣ, какъ болѣзненно отзывалось въ сердцѣ этого человѣка противленіе англійскаго духовенства, и какъ пламенно желалъ онъ поставить эту церковь въ совершенно иныя отношенія къ Риму. И вотъ почему намъ представляется весьма естественнымъ предположеніе: не

онъ ли первый возъимѣлъ мысль направить противъ англо-саксской церкви оружіе могущественныхъ Норманновъ. Факты слишкомъ дѣятельнаго участія папы въ дѣлѣ вторженія Норманновъ, намъ кажется, отнюдь не противорѣчатъ высказанному нами предположенію: папа не только объявилъ Гарольда похитителемъ чужаго достоянія и отлучилъ его и его сообщниковъ отъ церкви, но одобрилъ намѣреніе Вильгельма, благословилъ его на вторженіе и, въ знакъ своего напутствія, прислалъ ему даже освященное знамя и перстень, внутри котораго положенъ былъ волосъ св. Петра. Не было нужды св. отцу ни до того, что вся Англія признала Гарольда своимъ государемъ, и архіепископъ кэнтерберійскій короновалъ его, ни до того, что покровительство, оказываемое Вильгельму, вело за собою войну, кровопролитіе; для него въ этомъ случаѣ важнѣе всего была идея папства—преобладаніе надъ всѣмъ, для этой идеи онъ ничего не щадилъ, ни передъ чѣмъ не останавливался.

Началась война; за битвою при Гастингѣ, гдѣ убитъ былъ Гарольдъ, послѣдовали другія сраженія, и Вильгельмъ достигъ такимъ образомъ престола Англіи.

II.

Англія, какъ мы видѣли, завоевана; Вильгельмъ достигъ своей цѣли—короновался вѣнцомъ Эдуарда. Но вѣдь онъ, собственно говоря, былъ только орудіемъ въ рукахъ папы, его цѣли—цѣли свѣтскія, мірскія, были только средствами для цѣлей папскихъ, пожалуй, назовемъ ихъ духовными. Что же папа? Онъ приступилъ не вдругъ къ собранію плодовъ своихъ трудовъ. Наказать сряду же непокорное англо-сакское духовенство, значило бы уменьшить цѣну услуги, оказанной Вильгельму, и папа цѣлые пять лѣтъ признавалъ низложеннаго имъ архіепископа Стиганда, и терпѣлъ недостатки во всѣхъ другихъ членахъ англо-сакскаго клира. Какъ назвать это поведеніе св. отца, мы не знаемъ; дѣло въ томъ, что умѣренности этой (мы такъ хотѣли бы назвать это поведеніе) не стало въ св. престолѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Вильгельмъ проч-

но и крѣпко утвердился въ Англіи. Тотчасъ же явились сюда два римскихъ легата и принялись за осужденіе англо-саксскаго духовенства. Не повторяемъ здѣсь того, что уже сказали мы о недостаткахъ англо-саксскаго клира; еще менѣе хотимъ защищать и оправдывать его,—если оно было лѣниво, невѣжественно, безнравственно, пусть читатель винитъ въ томъ, кого знаетъ. Мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе его на замѣчательный, по нашему мнѣнію, фактъ, что изъ всего англо-саксскаго епископства только за двумя членами его сохранены епископскія каѳедры, а всѣ прочіе были низложены, или просто лишены своихъ мѣстъ. На подсудимыхъ было взведено множество различныхъ обвиненій; не указано было только на одно, котораго, если оно дѣйствительно можетъ быть обвиненіемъ, не чужды были многіе епископы, именно на ихъ патріотизмъ и стремленіе къ самостоятельности. Всѣ они замѣщены норманнами: частію товарищами Вильгельма по оружію, частію нарочито приглашенными съ материка. Та же участь постигла и низшее духовенство. Но какъ ни радикально, такъ сказать, пересоздавалъ папа англійскую церковь и какъ ни увѣренъ былъ стать въ ней тотчасъ же полнымъ ея распо-

рядителемъ, она не вдругъ безусловно покорилась ему; и замѣчательно, что папа встрѣтилъ сильнаго соперника себѣ въ томъ же Вильгельмѣ, на взаимную поддержку котораго онъ такъ много разсчитывалъ, и который теперь, сверхъ всякаго чаянія, сильно отстаивалъ самостоятельность своей церкви. Но логика событій оказалась неумолимою, и нелогичность взглядовъ Вильгельма, который, признавая папу, стоялъ въ то же время за независимость своей церкви, не повела ни къ чему: римскій дворъ, подъ предлогомъ стремленія къ свободѣ церкви, тотчасъ же возсталъ противъ второстепенности своей роли, положилъ много жертвъ и все таки достигъ своей цѣли, и не далѣе, какъ чрезъ столѣтіе. Впрочемъ, такому исходу дѣла совершенно ненамѣренно, и даже вопреки своему желанію, благопріятствовалъ и самъ Вильгельмъ. Стараясь предохранить англійскую церковь отъ папской опеки, онъ имѣлъ въ виду только то, чтобы тѣмъ безраздѣльнѣе подчинить ее своему господству, тѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе распоряжаться въ ней, и этимъ, конечно, не могъ не вызвать противодѣйствія своимъ цѣлямъ и планамъ въ тѣхъ изъ членовъ англійской церкви, которые хорошо ихъ поняли и желали лучше видѣть

церковь свою подъ гнетомъ папскимъ, все же таки духовнымъ, чѣмъ подъ игомъ свѣтскаго владыки. Такимъ образомъ разсчетъ Вильгельма оказался невѣрнымъ, и не могъ вести къ предположенной цѣли. Но, какъ ни очевидна была его ошибка, гибельно, хотя и незамѣтно, отразившаяся на общественной жизни Англіи, характеръ Вильгельма былъ таковъ, что, однажды задавшись какою либо цѣлію, онъ уже не отступалъ отъ нея, и въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе увлекся, что къ этому стремленію располагала его и государственная организація Нормандіи, съ которою онъ такъ свыкся и которую всецѣло пересаживалъ и на англійскую почву.

Вотъ какъ описываетъ очевидецъ характеръ Вильгельма и его правительственную систему: „онъ былъ благосклоненъ къ людямъ добрымъ, любившимъ Бога (монашествующимъ), и чрезмѣрно строгъ къ тѣмъ, которые противились его волѣ. Онъ удалялъ епископовъ и аббатовъ отъ занимаемыхъ ими должностей, заключалъ въ тюрьму бароновъ и пр. Безопасность при немъ была такова, что можно было путешествовать съ мѣшками золота и не быть ограбленнымъ. Конечно, въ это время много было и бѣдствій: король созидалъ дворцы и угне-

талъ бѣдныхъ; обременялъ налогами безъ всякаго права и почти безъ нужды; былъ скупъ и корыстолюбивъ. Подвергалъ смертной казни за охоту въ его лѣсахъ, а для разведенія ихъ, прибавимъ мы отъ себя, по его приказанію, сносились чуть не цѣлые города. Богатые люди тяготились, бѣдные роптали, но всѣ должны были дѣлать то, чего хотѣлъ король, если только желали остаться въ живыхъ„. [1] Къ этому простому и безъискусвенному очерку, который самъ говоритъ за свою искренность и правдивость, считаемъ нужнымъ прибавить, что Вильгельмъ ввелъ въ Англію строго феодальную систему, а епископовъ и аббатовъ сравнялъ въ надѣлахъ съ свѣтскими баронами. Каждый изъ нихъ, получивъ отъ короля по нѣскольку имѣній, съ условіемъ служить ему поставкою воиновъ и даже, если бы то было нужно, личнымъ ихъ предводительствомъ, признавалъ тѣмъ самымъ надъ собою контроль короля, могъ быть судимъ имъ, наказываемъ и т. д. Какъ важна была эта мѣра и сама по себѣ и въ особенности по вліянію ея на церковное право, нельзя не видѣть; поэтому, есть полное основаніе думать, что и

---

[1] Anglo—saxon Chronicle ed. by Giles.

папа зналъ бы объ этомъ распоряженіи завоевателя, тѣмъ болѣе, что Вильгельмъ самовластно не только низлагалъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, но и поставлялъ епископовъ. Что касается взаимныхъ отношеній епископовъ, то всѣ они Вильгельмомъ были уравнены въ своихъ правахъ, исключая архіепископа кэнтерберійскаго, въ отношеніи къ которому они были поставлены въ зависимое положеніе. Этой чести Вильгельмъ удостоилъ Ланфранка, бывшаго настоятелемъ монастыря св. Стефана въ Нормандіи.

Считаемъ нелишнимъ предложить здѣсь вниманію читателя біографію этого замѣчательнаго человѣка и дѣятеля своего времени.

Ланфранкъ родился въ Италіи въ 1008 году; талантливый отъ природы, онъ былъ отлично образованъ и проходилъ, даже съ нѣкоторою славою для себя, должность юрисконсульта. Но потому ли, что званіе это не представляло для него лестныхъ надеждъ въ будущемъ, или почему другому, — Ланфранкъ скоро промѣнялъ свое отечество на Нормандію. Съ прибытіемъ сюда, онъ прежде всего открылъ здѣсь школу. Но какъ ни громаденъ былъ успѣхъ этого предпріятія, оно не удовлетворило его и, тайно отъ всѣхъ, Ланфранкъ оставилъ и свое новое пре-

бываніе. Принявъ монашество, онъ вступилъ въ число братіи бѣдной беккской обители. Съ прибытіемъ его явилась школа и здѣсь, а духовное званіе, въ которое вступилъ Ланфранкъ, придало ей еще больше значенія. Къ этому также періоду относится начало переписки его съ Беренгаріемъ. Кто знаетъ, какъ много безпокойства произвело въ западномъ мірѣ ученіе этого еретика, тотъ легко можетъ представить себѣ всю важность попытки, за которую брался Ланфранкъ и—появившагося нѣсколько позже трактата его объ евхаристіи. Понятно, что имя Ланфранка сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. Его знали, конечно, и при дворѣ герцога нормандскаго, но долгое время онъ не пользовался благосклонностью Вильгельма и именно потому, что порицалъ бракъ герцога съ родственницею, —бракъ, за который на Нормандію наложенъ былъ тогда папою интердиктъ. А слѣдующій случай далъ Вильгельму поводъ даже мстить Ланфранку за его порицанія. Во время посѣщенія его школы придворными, Ланфранкъ сдѣлалъ весьма неосторожный упрекъ въ необразованности бывшему въ числѣ посѣтителей епископу, капеллану герцога. Вильгельмъ приказалъ Ланфранку немедленно удалиться изъ страны, но это, однакожъ, не смутило ловкаго

итальянца. Усѣвшись на осла, онъ пріѣхалъ къ герцогу и встрѣтилъ его слѣдующими словами: „государь, ты повелѣлъ мнѣ съ поспѣшностью бѣжать изъ страны, вели же дать мнѣ коня: тогда желаніе твое будетъ выполнено скорѣе.“ Слова эти и это свиданіе рѣшили будущую судьбу Ланфранка: онъ не только не былъ удаленъ изъ страны, но пріобрѣлъ даже расположеніе государя. Въ свою очередь, и Ланфранкъ перемѣнилъ свой взглядъ на бракъ герцога: онъ даже отправился въ Римъ ходатайствовать передъ папою о снятіи церковнаго наказанія, наложеннаго на Нормандію. Миссія эта была выполнена съ успѣхомъ и окончилась весьма благопріятно для Нормандіи и ея герцога, благодаря, конечно, ловкости переговорщика и его репутаціи, а можетъ быть — и высшимъ политическимъ соображеніемъ, которыми руководился папа относительно будущей судьбы Англіи. Какъ бы то ни было, интердиктъ былъ почти безусловно снятъ, и только Вильгельму съ его супругою вмѣнено было въ обязанность воздвигнуть по монастырю. Въ награду за это Ланфранкъ сдѣланъ былъ аббатомъ одного изъ вновь устроенныхъ монастырей. Сдѣлавшись архіепископомъ кэнтерберійскимъ вмѣсто низложеннаго Стиганда, по своимъ взгля-

дамъ, онъ явился другимъ экземпляромъ Вильгельма, исключая, конечно, его жестокостей, и до того раздѣлялъ мысли своего царственнаго друга, что относился безъ должнаго уваженія даже къ англо-саксонскимъ мученикамъ; только увѣщанія и убѣжденія добраго и разсудительнаго Анзельма, друга его, предохранили его отъ публичнаго выраженія этихъ отношеній. Но ни въ чемъ не сказалось такъ хорошо согласіе этихъ двухъ дѣятелей, какъ въ стремленіи ихъ поставить англійскую церковь въ независимое положеніе отъ папы. Оба они были учтивы, почтительны къ римскому епископу, принимали со всѣми знаками уваженія его легатовъ, но только тогда, когда эти легаты были для нихъ полезны. Король платилъ папѣ, хотя и неаккуратно, заведенный динарій и въ то же время и король и архіепископъ думали даже поставить признаніе папы въ Англіи въ зависимость отъ королевской власти; Ланфранкъ вошелъ въ переписку съ антипапою (такъ трудно было помириться съ притязаніями тогдашняго папства, даже тѣмъ, кто самъ воспользовался его услугами). Папа, однакоже, систематически преслѣдовалъ свою цѣль и, для достиженія ея, употреблялъ, по обстоятельствамъ, то требованія и угрозы, то лесть и обѣщанія. Политику эту

одинъ замѣчательный писатель представляетъ въ слѣдующей картинѣ. „Въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ къ королю послѣ завоеванія, говоритъ авторъ, папа напоминаетъ ему о той вѣрности, въ которой онъ клялся римскому престолу, и жалуется на неисправную присылку изъ Англіи обѣщаннаго денежнаго сбора. Вильгельмъ отвѣтилъ св. отцу: „съ однимъ въ твоемъ письмѣ я согласенъ, съ другимъ нѣтъ. Никогда не обязывался я клятвою вѣрности къ римскому престолу, и надѣюсь не обязываться и въ будущемъ; никогда не обѣщалъ я ничего подобнаго, и покажу, что предшественники мои поступали также. Что касается до денегъ, то, дѣйствительно, въ послѣдніе три года, въ пребываніе мое во Франціи, ихъ высылали нѣсколько нерадиво. Теперь, когда я возвратился въ свое государство, неисправности прекратятся, и вы получите все вамъ должное или чрезъ своихъ легатовъ, или чрезъ Ланфранка, нашего вѣрнаго архіепископа.“ Видя, что ничего нельзя достигнуть этимъ путемъ, Григорій VII прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ: онъ старается льстить самолюбію короля, старается дѣйствовать на него чрезъ другихъ лицъ, по его мнѣнію, имѣющихъ вліяніе на Вильгельма: „Вильгельмъ—

перлъ всѣхъ государей, пишетъ онъ къ нему, да будетъ же онъ образцомъ справедливости, примѣромъ смиренія.... Въ здѣшнемъ мірѣ заслужитъ онъ тогда честь, могущество, величіе, пусть же совѣты злыхъ не смущаютъ его души... Изъ всѣхъ сильныхъ земли, одинъ только ты способенъ предпочесть земному блеску обязанности христіанина.“ „Настаивай предъ твоимъ мужемъ, старайся направить его на путь, который можетъ привести его къ душевному спасенію,“ говорилъ онъ, обращаясь къ супругѣ короля Матильдѣ. Языкъ лести и просьбы также мало дѣйствуетъ на Вильгельма, какъ и требованіе; онъ какъ будто не понимаетъ, чего отъ него просятъ. Отвѣты его почтительны, но онъ говоритъ въ нихъ только о деньгахъ и нигдѣ ни слова о подчиненіи своей церкви или государства. „Что мнѣ въ деньгахъ безъ чести!“ восклицаетъ Григорій. Тогда онъ обращается къ Ланфранку. Съ нимъ Григорій мѣняетъ тонъ: онъ не проситъ и не совѣтуетъ,—онъ требуетъ его содѣйствія и, въ случаѣ отказа, готовъ прибѣгнуть къ угрозамъ. „Нѣсколько разъ призывалъ я тебя въ Римъ, говоритъ онъ ему, но ты, какъ кажется, не очень спѣшишь исполнить наше приказаніе. Удивленію нашему нѣтъ мѣры; дорого бы стоило тебѣ твое непослушаніе, еслибъ

только не удерживала насъ обычная наша снисходительность и воспоминаніе о прежней твоей покорности. Ни страхъ свѣтской власти, ни суевѣрное преклоненіе предъ извѣстнымъ лицомъ (намекъ на Вильгельма) не должны отдалять тебя отъ насъ. Что касается до него, — если чувство гордости возстановитъ его противъ нашего престола, если безсмысленная и надмѣнная прихоть возбудитъ его противъ насъ,—намъ это будетъ тѣмъ прискорбнѣе, что нѣкогда на него обращалась наша исключительная любовь. Твое дѣло предохранить его отъ подобнаго заблужденія.“ Ланфранкъ смущается строгимъ тономъ и упреками папы,—старается отклонить отъ себя бѣду, ссылается на королевскія приказанія, увѣряетъ въ своей неизмѣнной преданности. Но никакія отговорки не останавливаютъ папы; онъ ясно видитъ, что мирнымъ образомъ нельзя покончить дѣло. А между тѣмъ необходимость мирнаго свиданія дѣлалась болѣе и болѣе настоятельною: „по гордости или нерадѣнію ты медлишь и употребляешь во зло наше терпѣніе?“ писалъ Григорій, раздраженный уклончивостію архіепископа отъ путешествія въ Римъ. — „Властію апостольскою повелѣваемъ тебѣ послѣ четырехъ-мѣсячнаго, послѣдняго срока прибыть въ

Римъ къ празднику всѣхъ святыхъ настоящаго года (1089). Если ты еще разъ впадешь въ непослушаніе, которое, по словамъ пророка, равняется идолопоклонству,—знай, что могущество св. Петра поразитъ тебя, и ты будешь лишенъ епископскаго сана.“ Вопросъ былъ поставленъ такъ, что неминуемо долженъ былъ привести къ какому нибудь рѣшительному исходу: соображая всѣ данныя, можно смѣло утверждать, что онъ повелъ бы къ полному разрыву и можетъ быть къ продолжительной борьбѣ между папами и англійскою церковію. Но такой исходъ былъ предотвращенъ смертію Григорія VII, послѣдовавшею въ томъ же году, въ которомъ было писано и его послѣднее посланіе къ Ланфранку. [1]

Таково происхожденіе англо-норманской церкви, таковы и притязанія, которыя заявилъ папа въ отношеніи къ Англіи. Нѣтъ сомнѣнія, что эти явленія были въ высшей степени важны для Англіи! онѣ, какъ мы уже сказали, опредѣлили весь ходъ послѣдующихъ событій, такъ что послѣднія являются или какъ пособіе пап-

[1] Тирада о сношеніяхъ съ папою передана нами по Ѳеоктистову. Цитуемъ трудъ его объ Анселѣмѣ кэнтерберійскомъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, при своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, онъ почти единственный, который мы прочли на родномъ языкѣ. «Русскій Вѣстникъ» 1856 г. Т. III и IV.

ству, или какъ противодѣйствіе ему. Тоже самое должно сказать и о разныхъ дѣятеляхъ, съ какими мы имѣемъ встрѣтиться: лучше или хуже тотъ или другой изъ нихъ по своимъ индивидуальнымъ достоинствамъ, всѣ они, по необходимости, становятся или споспѣшниками папскимъ стремленіямъ, или противниками ихъ. Сила системы одинакова вездѣ.

III.

По смерти Вильгельма, старшій сынъ его Робертъ, по завѣщанію отца, получилъ въ управленіе Нормандію, а второй—Вильгельмъ, прозванный рыжимъ, наслѣдовалъ ему въ Англіи. Первые два года правленія Вильгельма, были нѣсколько сносны. Онъ выстроилъ даже два монастыря, но уже и въ это время видно было, чѣмъ былъ этотъ государь на самомъ дѣлѣ. При замѣщеніи праздныхъ епископскихъ мѣстъ, Вильгельмъ II всѣми мѣрами старался замедлить избраніе новаго лица, съ единственною цѣлію безпрепятственно и всецѣло пользоваться доходами съ имѣній епископовъ. Напоминанія Ланфранка (онъ былъ еще живъ) о данной Вильгельмомъ присягѣ не повели ни къ чему. Король отвѣтилъ только: развѣ можно исполнить все, что обѣщаешь? Въ 1089 г. Ланфранкъ умеръ, и король, не сдерживаемый болѣе никѣмъ и ничѣмъ, всецѣло предался сво-

имъ страстямъ. Преобладающею изъ нихъ было корыстолюбіе, и въ жертву ему принесъ онъ и честь, и стыдъ, не говоря уже о достоинствѣ и пользѣ политики, которая вся сводилась къ тому, чтобы богатѣть, на чей бы счетъ это ни случилось. Чѣмъ стала съ тѣхъ поръ церковная собственность, можно видѣть изъ того, что король часто говаривалъ: „духовный хлѣбъ— вкусная пища“, и что лѣтописцы, описывая несчастія своего времени, сравниваютъ церковныя имѣнія съ городомъ, взятымъ приступомъ и отданнымъ на разграбленіе раздраженному войску. Большая часть епархій оставались безъ епископовъ; даже и кэнтерберійская не замѣщена была со смерти Ланфранка. Король и во все не думалъ о ея замѣщеніи; и епископы, получавшіе мѣста, буквально получали ихъ куплею. О сношеніяхъ съ Римомъ не могло быть и помину, потому что Вильгельмъ не признавалъ ни одного изъ двухъ кандидатовъ, споривших въ то время о папскомъ тронѣ. Въ такомъ положеніи находились церковныя дѣла въ Англіи до 1093 г., когда постигла короля жестокая болѣзнь. Въ это время Вильгельмъ уступилъ настоятельной просьбѣ государственныхъ чиновъ о замѣщеніи кэнтерберійской каѳедры и согласился на избраніе архіепископомъ

Анзельма, аббата беккскаго монастыря. [1] Онъ родился въ Пьемонтѣ въ 1033 г. Потерявши мать, которую онъ любилъ со всею нѣжностію доброй натуры и которой обязанъ былъ мягкостью и добросердечіемъ своего характера, Анзельмъ покинулъ родительскій домъ и послѣ трехлѣтняго путешествія по Бургундіи, прибылъ въ беккскій монастырь, и вступилъ въ число учениковъ извѣстнаго Ланфранка. Слабый здоровьемъ, отсталый не по лѣтамъ и въ наукахъ, Анзельмъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ принялся за трудъ и, благодаря своимъ богатымъ способностямъ, превзошелъ вскорѣ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Здѣсь же какъ нельзя лучше завершилось и его моральное воспитаніе. Сдѣлавшись наставникомъ этой школы, вмѣсто Ланфранка, онъ поставилъ ее чуть ли не выше, чѣмъ была она при знаменитомъ ея основателѣ. Обращеніе его съ учениками можетъ и теперь почитаться образцомъ педагогическихъ взглядовъ; [2] добрый, снисходитель-

---

[1] Ученость и добродѣтели этого прелата и роль, которую онъ игралъ въ политико-церковныхъ дѣлахъ своего времени, обязываютъ насъ привести здѣсь, хотя вкороткѣ, его біографію.

[2] Одинъ аббатъ горько жаловался Анзельму на ввѣренныхъ его попеченію дѣтей. День и ночь, говорилъ онъ, наказываю я ихъ розгами, а дѣло все не идетъ на ладъ. «Вотъ видите, возразилъ Анзельмъ, много ли можно сдѣлать побоями? Скажите мнѣ, г. аббатъ,

ный, онъ старался дѣйствовать на своихъ питомцевъ больше всего кротостію, и прибѣгалъ къ строгостямъ только въ крайнихъ случаяхъ; дорожилъ временемъ, и какъ только освобождался отъ учебныхъ занятій,—немедленно принимался за ученые труды. Но самою глав-

---

что вышло бы, если бы посадили въ своемъ саду дерево, но такъ бы огородили его со всѣхъ сторонъ, что не давали бы рости его вѣтвямъ? Думаю, дерево ваше согнулось бы, искривилось,—однимъ словомъ, сдѣлалось бы никуда негоднымъ. Но не тоже ли самое дѣлаете вы съ вашими дѣтьми, посаженными въ разсадникѣ церкви, воспитаніе которыхъ поручено вамъ для того, чтобы въ разсадникѣ церкви они росли въ Богѣ и современемъ дали плодъ? Не только не давая имъ свободы, но даже окруживъ ихъ страхомъ, дѣйствуя на нихъ лишь побоями, да угрозами, вы искривляете и портите ихъ нравственность, такъ что когда въ умѣ ихъ зарождаются самыя дурныя и злыя мысли, они не гонятъ ихъ прочь, а напротивъ лелѣютъ ихъ, ожесточаются и дѣлаются рѣшительно неспособными ни къ ученію, ни къ нравственному совершенствованію. Не встрѣчая въ васъ ни любви, ни ласковаго слова, они не могутъ питать къ вамъ довѣренности и думаютъ, что вами руководятъ только ненависть и злоба. Подозрительность развивается въ нихъ съ лѣтами все болѣе и болѣе, такъ что въ каждомъ они готовы видѣть заклятаго врага. Спрашиваю васъ теперь, отчего вы такъ жестоки съ ними? Не такіе ли они люди, какъ и вы? А что бы вы сказали, еслибъ съ вами поступили подобнымъ образомъ? Конечно, хлѣбъ—здоровая и хорошая пища, но дайте его только что родившемуся младенцу, и вы его уморите. Точно также и съ нравственною пищею; прежде нежели приступите къ мѣрамъ строгости, старайтесь привлечь къ себѣ сердца кротостью, терпѣливостью и дружескимъ обращеніемъ». Нѣтъ сомнѣнія, что Анзельмъ глубоко проникнутъ былъ этими задушевными убѣжденіями, столь гуманнымъ и раціональнымъ взглядомъ на дѣло воспитанія и неуклонно слѣдовалъ этой системѣ. «Рус. Вѣст.»

ною чертою его характера нужно считать стойкость, съ которою онъ отстаивалъ свои убѣжденія. Тутъ Анзельмъ слушался только своей совѣсти, и потому если и ошибался, то ошибался, такъ сказать, ненамѣренно, и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше Ланфранка, который, часто уступая политическимъ соображеніямъ, напрасно предохранялъ Анзельма противъ почитанія нѣкоторыхъ англо-саксонскихъ святыхъ. Интересны разсужденія по этому предмету того и другаго: они обрисовываютъ каждаго какъ нельзя лучше. „Эти саксонцы, среди которыхъ суждено намъ жить, говорилъ Ланфранкъ, имѣютъ многихъ святыхъ, къ которымъ они относятся съ великимъ уваженіемъ. Чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ сомнительнѣе кажется мнѣ ихъ святость. Есть, напримѣръ, одинъ святой, Эльфегъ, гробница котораго находится тутъ же, въ моей церкви, человѣкъ, конечно, весьма почтенный, бывшій нѣкогда здѣшнимъ архіепископомъ. Саксонцы почитаютъ его святымъ, даже мученикомъ, хотя онъ пострадалъ вовсе не за ученіе Спасителя, а единственно потому, что не хотѣлъ уплатить за себя выкупа. Опасаясь раззорить свою паству. Эльфегъ отказался отъ уплаты и предпочелъ смерть, — вотъ весь его подвигъ.

Что ты объ этомъ думаешь“? Отвѣтъ Анзельма былъ простъ. По его мнѣнію, человѣкъ, не побоявшійся смерти даже затѣмъ, чтобы не дозволить себѣ и обыкновеннаго проступка, безъ сомнѣнія не устрашился бы ея, когда бы дѣло шло о чемъ нибудь болѣе важномъ, долженствовавшемъ навлечь на него гнѣвъ небесный. Чего устрашился бы Эльфегъ, если бы пришлось ему выбирать между земнымъ счастіемъ и вѣчною жизнію? Онъ пострадалъ за истину; а это не значитъ ли тоже самое, что и пострадать за Христа? Никакіе доводы не могли поколебать этого взгляда, и Ланфранкъ долженъ былъ преклониться предъ нимъ. Такими-то чертами ума и характера отличился избранный въ архіепископы кэнтерберійскіе, аббатъ Анзельмъ. Онъ находился въ то время въ Англіи и даже лично присутствовалъ при избраніи. Но ошибочно, однакожь, было бы заключить отсюда, что Анзельмъ именно съ тѣмъ намѣреніемъ и прибылъ въ Англію, чтобы происками достигнуть архіепископства: онъ бывалъ здѣсь и прежде. Не случайное присутствіе его повліяло на его избраніе, а то, что имя его пользовалось здѣсь всеобщею извѣстностію, да и самъ Ланфранкъ указалъ на него, какъ на своего преемника. Это тѣмъ бо-

лѣе несомнѣнно, что Анзельмъ и не ожидалъ для себя, съ принятіемъ архіепископскаго сана, лестнаго будущаго. „Подумали ли вы, говорилъ онъ отцамъ избирателямъ, что впрягаете подъ одинъ яремъ неукротимаго вола и старую, дряхлую овцу.“ Опасеніе Анзельма относительно будущаго поведенія короля оправдалось вполнѣ. Много трудовъ и усилій стоило ему возвратить себѣ удерживаемыя королемъ имѣнія, но это Анзельмъ поставилъ какъ бы условіемъ принятія сана и достигъ своей цѣли. За то едва только король оправился отъ болѣзни, а Анзельмъ, по посвященіи, вступилъ въ управленіе имѣніями, какъ король рѣшился вознаградить себя за свою невыгодную уступку. Считая себя въ правѣ брать себѣ, при передачѣ имѣній новому владѣльцу, большую или меньшую сумму, — Вильгельмъ чрезъ своихъ приближенныхъ далъ понять Анзельму, что онъ ждетъ и отъ него, по случаю принятія имъ архіепископскихъ имѣній, нѣкотораго подарка, опредѣливъ его впрочемъ заранѣе въ 1000 ливровъ. Что Анзельмъ былъ противъ этихъ приношеній, что онъ видѣлъ въ нихъ актъ подчиненности свѣтскимъ властямъ, и тяготился этою зависимостью, во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но на этотъ разъ, одна-

коже, онъ принесъ королю 500 ливровъ. Вильгельмъ нашелъ эту сумму недостаточною для столь богатаго вассала, какъ архіепископъ; Анзельмъ предложилъ вновь свое пожертвованіе и встрѣтилъ тотъ же отказъ. Не желая подарить большую сумму, а быть можетъ, не имѣя къ тому возможности, архіепископъ роздалъ отвергнутыя деньги бѣднымъ. Какъ ни маловаженъ былъ самъ по себѣ этотъ случай, но для корыстолюбиваго Вильгельма этого было достаточно, чтобы возненавидѣть архіепископа. Случай къ выраженію этой ненависти скоро представился. Послѣ похода противъ Валлиса, король выразилъ архіепископу свое недовольство за то, что поставленные съ монастырскихъ имѣній воины будто бы были дурно экепированы и угрожалъ Анзельму предать его за то суду.

Не описываемъ безпорядковъ, какими страдала тогда Англія; скажемъ только, что чрезъ нихъ потерпѣли—и образованіе, только что начинавшее прививаться въ странѣ, и народная нравственность. Для исправленія зла Анзельмъ предложилъ было созвать соборъ. „О чемъ же ты будешь разсуждать на этомъ соборѣ?“ спросилъ его король. Анзельмъ указалъ на безпорядки въ странѣ и на необходимость принять противъ этого мѣры. „Какую же ты извлечешь

пользу?“ продолжалъ король. Для себя лично ровно никакой, а для церкви и государства большую, отвѣтилъ Анзельмъ. „Ну такъ довольно,—нечего объ этомъ и говорить,“ возразилъ король, — и архіепископъ лишенъ былъ этимъ отказомъ такого средства, которое больше всѣхъ другихъ могло помочь духовнымъ нуждамъ церкви. Вскорѣ затѣмъ ему пришлось разстаться на нѣсколько лѣтъ съ своею паствою. Папство съ своими притязаніями не забыло своей роли и въ эту трудную для англійской церкви минуту. Прибывшій въ Англію, для врученія Анзельму палліума отъ папы, нунцій, конечно, съ подобающимъ авторитетомъ, выразилъ сомнѣніе въ законности избранія Анзельма въ архіепископскій санъ, нашедши предосудительнымъ со стороны этого прелата принятіе архіерейскаго посоха изъ рукъ короля. Честный и нѣсколько робкій Анзельмъ смутился этимъ разсчитаннымъ внушеніемъ и, не зная другаго исхода, рѣшился отправиться въ Римъ, гдѣ, по его мнѣнію, скрывалась цѣлебная сила и для другихъ немощей любимой имъ англійской церкви. Мечта его такъ и осталась мечтою. Папа принялъ кэнтерберійскаго архіепископа со всѣми знаками уваженія, но изъ политическихъ видовъ не пошелъ далѣе простаго

порицанія поведенія короля, да и самъ Анзельмъ не былъ партизаномъ крутыхъ мѣръ. Такой порядокъ вещей продолжался цѣлые годы, разнообразясь только извѣстіями, приходившими изъ Англіи, о новыхъ несправедливостяхъ короля. Анзельмъ просилъ хоть дать ему преемника; но не успѣлъ и въ этомъ, и потому съ огорченіемъ оставилъ Римъ и поселился въ Ліонѣ у друга своего Гугона, архіепископа ліонскаго. Прошли цѣлыхъ шесть лѣтъ; Анзельмъ уже терялъ всякую надежду возвратиться къ своей паствѣ, какъ смерть Вильгельма положила конецъ неблагоразумію этого норманца, и Анзельмъ былъ опять въ Англіи.

При новомъ королѣ существованіе церкви улучшилось, не смотря на инвеституру. Генрихъ I подтвердилъ за церковію ея старинныя имѣнія, отказался отъ обычая брать съ нихъ въ свою пользу доходы, заботился даже о томъ, чтобъ, безъ потери времени, замѣщаемы были свободныя вакансіи. Анзельма окружилъ онъ ласками и почетомъ. Къ несчастію, въ пребываніе свое за границей среди людей, увлекшихся папскими тенденціями, Анзельмъ и самъ до того проникся ими, что не только отказалъ въ посвященіи лицамъ, которыя были избраны

королемъ въ епископы и получили уже отъ него знаки инвеституры, даже не согласился присягнуть королю на вѣрность, что долженъ былъ сдѣлать по званію леннаго королевскаго владѣльца, которымъ онъ былъ. Наконецъ, послѣ долгаго колебанія, папа, сказавшись противъ инвеституры, на этотъ разъ разрѣшилъ посвятить въ епископы и тѣхъ лицъ, которыя приняли отъ короля знаки своего достоинства и обязалъ ихъ на будущее время давать установленную присягу. Но Анзельмъ прожилъ послѣ того недолго: труды его по управленію архіепископіею, борьба съ королями и при этомъ ученые труды совершенно истощили его силы, упадавшія уже и отъ старости. Онъ скончался 21 апрѣля 1109 г. Смерть застигла его за сочиненіемъ трактата о безсмертіи души.

Таковъ былъ Анзельмъ кэнтерберійскій! Позволяемъ себѣ думать, что живи этотъ человѣкъ въ лучшую пору церкви, когда пастыри ея и на римскомъ престолѣ далеки были отъ мысли господствовать одинъ надъ другимъ, и еще менѣе домагались преобладанія надъ свѣтскою властію и поставляли свое могущество во множествѣ пріобрѣтенныхъ имѣній,—человѣкъ этотъ, думаемъ мы, не испыталъ бы ни тѣхъ треволненій, среди которыхъ онъ жилъ архіеписко-

помъ, ни той борьбы, которую онъ началъ съ королемъ и для успѣха которой долженъ былъ себѣ изыскивать тотъ или другой призракъ власти, опираться на ту или другую сторону. И хорошо еще, что доброе и природное расположеніе предохранило его отъ ожесточенія, но могло случиться и это,—и тогда неминуемо пострадала бы и его нравственность. Во всякомъ случаѣ и теперь съ именемъ Анзельма должно соединять понятіе не какъ объ общехристіанскомъ дѣятелѣ, а какъ о защитникѣ папскихъ идей и о прелатѣ, трудившемся въ духѣ римской церкви, и достойномъ уваженія только за свои частныя добродѣтели. Но продолжимъ.

Борьба, начавшаяся при Анзельмѣ, далеко не кончилась съ его смертію, а возвышенность характера этого прелата придала ей только нѣчто священное, — какъ бываетъ, впрочемъ, всегда: чѣмъ выше дѣятель по своимъ нравственнымъ чувствамъ, тѣмъ легче отыскиваются ему подражатели, особенно если существуетъ еще причина, подавшая поводъ къ началу борьбы. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію столкновенія между свѣтскою и духовною властію, открывшеюся при Генрихѣ II, не пропустимъ безъ вниманія двухъ обстоя-

тельствъ, которыя, стоя въ этомъ промежуткѣ, служатъ нагляднымъ указаніемъ на то, какой успѣхъ папство пріобрѣло въ Англіи со времени завоеванія ея норманнами.

По смерти Генриха I насталъ въ Англіи рядъ смутъ и продолжался безъ перерыва цѣлыя 17 лѣтъ. Поводомъ къ безурядицамъ послужилъ споръ о престолонаслѣдіи между графомъ булонскимъ Стефаномъ, племянникомъ покойнаго короля, и дочерью Генриха, Матильдою. Стефанъ представилъ за себя письмо папы, въ которомъ св. отецъ уступалъ ему тронъ, и на основаніи этого документа захватилъ себѣ правленіе; Матильда же считала себя королевою въ силу признанія ея въ томъ еще при жизни Генриха. Образовались два враждебные лагеря. Партіи ссорились, воевали и, разумѣется, разоряли при этомъ государство. Что касается духовенства, большинство епископовъ, конечно, поддерживало Стефана, и архіепископъ іорскій употребилъ въ его пользу даже военную силу, хотя были, впрочемъ, и такіе, которые не совсѣмъ убѣждены были въ его правахъ, не смотря на то, что освятилъ ихъ папа, и стояли за Матильду. Недовольный таковыми, Стефанъ заключилъ подъ стражу нѣкоторыхъ изъ епископовъ; но остальные прелаты, въ томъ числѣ

и родной братъ короля, епископъ Уинчестерскій, составивъ соборъ, потребовали освобожденія арестованныхъ. Стефанъ покорился, и вмѣстѣ съ тѣмъ аппелировалъ къ папѣ. Принялъ ли папа прямое участіе вслѣдствіе этой аппеляціи, не видно, — но и его косвеннаго участія достаточно было, чтобъ разстроить единодушіе между епископами, единодушіе, которое представляетъ приведенный нами случай. Такъ когда, по проискамъ кэнтерберійскаго архіепископа Ѳеобальда, Генрихъ Уинчестерскій лишенъ былъ папою чести представлять въ Англіи его особу, и король изгналъ архіепископа за то изъ страны, этотъ послѣдній все таки возвратился, а оружіе, которымъ снабдилъ его папа, давши ему полномочіе легата, направилъ противъ своихъ политическихъ враговъ; онъ наложилъ—было интердиктъ на церкви, состоявшія въ имѣніяхъ короля. Всеобщее согласіе возстановлено было признаніемъ правъ на престолъ сына Матильды, Генриха II.

IV.

Съ царствованіемъ Генриха II связано воспоминаніе о замѣчательной и почти безпримѣрной борьбѣ между духовною и свѣтскою властію. Въ существѣ дѣла, тутъ только продолженіе и развязка, къ несчастію съ прибавкою печальныхъ подробностей той борьбы, которая началась при Анзельмѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь идея одна: король стремился къ преобладанію надъ церковію, въ силу вассальныхъ правъ надъ духовенствомъ; духовенство же противодѣйствовало этимъ замысламъ даже болѣе: оно поставило задачею для себя, и придержаніи за собою имѣній, сдѣлаться независимымъ отъ государства не только въ церковныхъ или религіозныхъ дѣлахъ, но и гражданскихъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой борьбѣ былъ Ѳома Бекетъ, архіепископъ кэнтерберійскій. Личность эта такъ знаменита въ исторіи англійской церкви и

папства, принимала такое дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, что, говоря о борьбѣ, нельзя не говорить вмѣстѣ и о Бекетѣ, и тѣмъ болѣе — что онъ и вызвалъ этотъ споръ, и довелъ его до конца. Посему изложеніе исторіи борьбы, по необходимости, приметъ у насъ характеръ біографіи Бекета.[1] Онъ происходилъ отъ родителей англо-саксонскихъ; былъ одаренъ прекрасными способностями и рѣдкою счастливою наружностью, получилъ блестящее образованіе въ Оксфордѣ, Парижѣ и Болоньѣ у преславутаго тогдашняго правовѣда Граціана, къ которому посланъ былъ своимъ покровителемъ, архіепископомъ Ѳеобальдомъ. По возвращеніи — посвященъ въ діаконы, скоро сдѣланъ кэнтерберійскимъ архидіакономъ, и такъ хорошо зарекомендовалъ себя на этой должности, что, по совѣту людей, радѣвшихъ о пользѣ государства, взятъ былъ королемъ на должность государственнаго канцлера. Мѣсто это, при всей своей важности и сложныхъ обязанностяхъ, оказалось не выше способностей Бекета. Внутри страны онъ поставилъ себя *выше сословныхъ претензій* и — что особенно замѣчательно, ограничилъ даже, гдѣ

[1] Большую часть подробностей, которыя мы помѣщаемъ, можно найдти въ Histoire Eccle siastique de Fleury.

было нужно, *притязанія духовенства*; не былъ скупъ и выше всего ставилъ интересы короля. Не менѣе такта и благоразумія обнаружилъ онъ и въ дѣлахъ внѣшней политики. По жизни, это былъ сибаритъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, и, какъ ни громадны были его доходы, онъ издерживалъ все, что ни получалъ. Домъ его, по словамъ одного изъ его приближенныхъ, [1] ни въ чемъ не уступалъ жилищу короля: также былъ полонъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и также часто посѣщался лицами лучшихъ фамилій, при чемъ и людямъ средняго сословія, и даже своимъ собственнымъ фермерамъ хозяинъ не отказывалъ не только въ привѣтѣ, но даже въ гостепріимствѣ. Столъ его состоялъ изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ; вина лились рѣкою; слуги одѣвались съ возможнымъ богатствомъ. При выѣздахъ своихъ, особенно во время путешествія за границей, канцлеръ окружалъ себя такою пышностію, что сказанія историковъ кажутся невѣроятными. Отношенія его къ королю были самыя близкія: они жили какъ родные братья, повѣряя другъ другу свои мысли, свои

---

[1] Fitz Setphen. Cabinet History of England by Mac Farlane vol. I. Lond. 1845.

желанія, они были какъ бы однимъ сердцемъ и одною душею. Эта-то близость къ королю и тактъ, съ какимъ управлялъ Бекетъ дѣлами государства, и были причиною того, что онъ назначенъ былъ архіепископомъ кэнтерберійскимъ, хотя вовсе не былъ сторонникомъ духовенства. Одинъ изъ епископовъ нашелъ до того предосудительнымъ его поведеніе, что выразился: „онъ, Бекетъ, вонзилъ кинжалъ въ сердце матери своей церкви.“ [1] По смерти Ѳеобальда, когда нужно было избрать ему преемника, король употребилъ все свое вліяніе на избирателей, предполагая, что новый санъ не измѣнитъ ни преданности Бекета, ни его усердія къ охраненію королевскихъ интересовъ. Но, какъ ни основателенъ былъ, повидимому, разсчетъ короля, съ Бекетомъ произошла внезапная перемѣна. Сдѣлавшись архіепископомъ, онъ совершенно измѣнилъ образъ жизни: ограничилъ себя въ пищѣ, надѣлъ власяницу, щедрою рукою раздавалъ милостыню, кормилъ нищихъ, ежедневно умывалъ ноги тринадцати бѣднякамъ; проповѣданіе слова Божія смѣнило его обычныя разгульныя бесѣды, а посѣщеніе больныхъ замѣнило его выѣзды.

---

[1] Jbid.

Трудно сказать—было ли такое поведеніе его внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго благочестія,—этотъ вопросъ рѣшаютъ различно. Данныя, какія мы имѣемъ подъ руками, не позволяютъ намъ сказать на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго. Съ полученіемъ новаго сана, онъ началъ дѣйствовать совершенно наперекоръ своимъ прежнимъ принципамъ; теперь онъ поставилъ себѣ цѣлію уже возвращеніе церкви всѣхъ, когда либо принадлежавшихъ ей, имѣній, и даже снарядилъ для того нарочитую коммиссію. Понятно, какъ должна была подѣйствовать такая рѣзкая перемѣна въ Бекетѣ на короля, желавшаго и надѣявшагося видѣть въ немъ прежняго друга, преданнаго ему до самоотверженія. Король охладѣлъ къ своему другу, а скоро эта холодность перешла въ открытую вражду. Скоро представился и случай къ ея обнаруженію. Давно уже свѣтская власть замѣчала въ духовныхъ судахъ снисходительность и даже потворство лицамъ духовнаго сана, обвиняемымъ въ преступленіяхъ; но доселѣ эти замѣчанія никогда еще не принимали формы оффиціальнаго протеста,—можетъ быть потому, что свѣтская власть имѣла нужду поддерживать добрыя отношенія къ власти духовной въ благодарность за со-

дѣйствіе своимъ интересамъ въ другихъ отношеніяхъ. Теперь же, когда духовная власть, въ лицѣ Бекета, стала преслѣдовать цѣли, прямо противоположныя видамъ свѣтскаго правительства, когда представитель власти свѣтской сдѣлался врагомъ Бекета,—о прежней сдержанности въ отношеніяхъ не могло быть и рѣчи, личная вражда должна была превратиться въ сословную, и случаи потворства со стороны власти духовной не могли быть допускаемы и терпимы властію свѣтскою. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Въ послѣдніе годы архіепископства Ѳеобальда, нѣкто Филиппъ Брокъ, каноникъ, въ наказаніе за убійство, въ которомъ сознался самъ, приговоренъ былъ только къ взносу нѣкоторой денежной платы, и свѣтская власть не протестовала. Но когда нѣсколько позже тотъ же преступникъ, на съѣздѣ въ Денстабль, оскорбилъ главнаго короннаго судью за упрекъ духовнымъ властямъ въ пристрастіи, судья потребовалъ не только удовлетворенія за оскорбленіе, но вмѣстѣ и того, чтобъ пересмотрѣно было и производившееся прежде дѣло. Мало того: король самъ счелъ нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло. Онъ, когда, послѣ пересмотра дѣла, наказаніе было только немного увеличено, а санъ попрежнему

оставался за виновнымъ, потребовалъ настойчиво, чтобы преступникъ лишенъ былъ сана и отданъ въ руки свѣтской власти. Архіепископъ не согласился удовлетворить этому требованію и, какъ ни настаивалъ король, какъ ни много говорилъ за себя его аргументъ по принятымъ обычаямъ, которые, замѣтимъ съ своей стороны, имѣли основаніе въ правилахъ церкви, Бекетъ не уступалъ, извиняя свое упорство необходимостію защищать свободу лицъ духовнаго сословія и, конечно, въ этомъ случаѣ не былъ правъ, хотя стремленіе его если разсматривать его внѣ упомянутаго факта, было не вовсе неосновательно. Созванъ былъ сеймъ, которому предстояло рѣшить относительное достоинство и приложеніе аргументовъ того и другаго. Король прямо предложилъ епископамъ вопросъ: намѣрены ли они слѣдовать древнимъ обычаямъ? Епископы отвѣтили согласіемъ, но прибавили: „исключая тѣхъ случаевъ, когда бы могъ произойти оттого ущербъ интересамъ духовнаго сословія.“ „Они сговорились противъ меня,“ воскликнулъ король, и—разгнѣванный—вышелъ изъ собранія. Очевидно, ему нужно было принять другія мѣры, чтобы вынудить безусловное согласіе епископовъ. На слѣдующій день Бекетъ лишенъ былъ двухъ

значительныхъ помѣстьевъ; мѣра эта произвела нѣкоторый временный успѣхъ. Епископы почти всѣ приняли обычай безусловно, и самъ Бекетъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Но словесное согласіе еще далеко не вполнѣ гарантировало для короля успѣхъ его дѣла, и потому, желая облечь это согласіе въ легальную форму, онъ созвалъ епископовъ на новый съѣздъ въ Кларендонъ, куда приглашены были и свѣтскіе бароны. Здѣсь произведена была запись обычаевъ, [1] но лишь только предложили Бекету подтвердить эту запись своею подписью, онъ отказался. Легко представить себѣ ярость, въ которую привела короля эта непослѣдовательность. Въ гнѣвѣ, онъ не помнилъ себя, грозилъ архіепископу ссылкою, казнію и навелъ ужасъ на всѣхъ присутствовавшихъ. Въ страхѣ, они умоляли Бекета пощадить себя и ихъ. Бекетъ уступилъ и на этотъ разъ. Но когда предложили ему утвердить документъ своею печатію, какъ сдѣлали то другіе епископы, Бекетъ снова измѣнилъ своему слову, и рѣшительно отказался прикладывать печать подъ

---

[1] Чтобы дать возможность читателю понять всю крайность притязаній той и другой стороны, считаемъ нелишнимъ помѣстить въ примѣчаніи подъ литерою А, напечатанномъ въ концѣ брошюры, всѣ эти обычаи, какъ они изложены у Флери.

тѣмъ предлогомъ, что его слово можетъ служить уже достаточнымъ ручательствомъ въ исполненіи даннаго имъ обѣщанія—соблюдать обычаи и что въ чемъ либо другомъ онъ не видитъ никакой нужды, а потому и не намѣренъ ничего дѣлать. Отвѣтъ, очевидно, неискренній, и неизвѣстно, зачѣмъ онъ данъ: Бекетъ, вслѣдъ за тѣмъ, нисколько не уважалъ своего обѣщанія,—поведеніе недостойное архіепископа. Но осуждая Бекета, исторія должна еще строже судить Генриха за ту крайнюю месть и жестокости, какія онъ позволилъ себѣ въ отношеніи къ своему врагу. Прежде всего, по требованію короля, отнято было у Бекета званіе папскаго легата и передано іоркскому архіепископу, — мѣра, ясно и прямо говорившая о томъ, что римскій дворъ одобрялъ поведеніе короля. Вслѣдъ затѣмъ созванъ былъ для суда надъ Бекетомъ обще-народный парламентъ, какъ будто этою торжественностью формы хотѣли восполнить несерьезность самаго суда. Парламентъ обвинилъ Бекета только въ томъ, что онъ не явился въ королевскій судъ, для отвѣта по аппелляціи на постановленное имъ по одному неважному дѣлу рѣшеніе. Торжественности суда соотвѣтствовало одно только рѣшеніе: Бекетъ приго-

воренъ былъ къ штрафу въ 500 ливровъ, а не во 100, какъ это постановлено было закономъ для всѣхъ безъ различія. Никакихъ объясненій и оправданій отъ него не приняли. На завѣреніе Бекета, что онъ за себя послалъ въ королевскій судъ съ объясненіемъ четырехъ рыцарей, не обратили никакого вниманія, и вообще Бекетъ понялъ, что о безпристрастіи и правосудіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, и потому безпрекословно подчинился приговору, давъ ручательство въ уплатѣ назначеннаго штрафа. Но месть и этимъ не удовольствовалась. Движимые ею, судьи потребовали затѣмъ возвращенія даже подарковъ королевскихъ, полученныхъ Бекетомъ въ разное время и оцѣненныхъ теперь въ 800 ливровъ. Какъ ни дико было подобное требованіе,—отказаться отъ удовлетворенія ему не было возможности. Въ глазахъ раздраженной мести и вражды оно казалось самымъ основательнымъ, и Бекетъ согласился на уплату и этой суммы. Но и этою покорностью онъ не вызвалъ къ себѣ со стороны судей милосердія и состраданія. Отъ него потребовали возвращенія казнѣ и всѣхъ тѣхъ денегъ, которыя были получены имъ съ вакантныхъ епископскихъ и аббатскихъ имѣній, во время его кан-

цлерства, и опредѣлены теперь въ 44,000 марокъ,—требованіе, поражающее своею несправедливостью! Если Бекетъ и удержалъ эти суммы, то удержалъ ихъ съ вѣдома короля и издержалъ въ видахъ угожденія королю же, который предъ посвященіемъ его въ архіепископы, освободилъ его отъ всѣхъ обязательствъ, лежавшихъ на немъ. И на это крайне несправедливое требованіе Бекетъ принесъ нѣкотораго рода удовлетвореніе, предложивъ отъ себя сумму въ 10,000 ливровъ. Но не деньги, конечно, нужны были врагамъ Бекета, и потому предложеніе его было отвергнуто, и самъ онъ осужденъ былъ духовными, какъ клятвопреступникъ и вмѣстѣ измѣнникъ государству. Мало того: епископы не только отказались отъ повиновенія ему, какъ осужденному, но и объявили свое намѣреніе предать его суду папскому. Положеніе Бекета было самое жалкое: никто уже не сомнѣвался болѣе въ томъ, что король имѣетъ въ виду низложить его; понималъ это и самъ Бекетъ. Нѣкоторые изъ епископовъ прямо совѣтовали ему отказаться отъ архіепископства. Ко всему этому прибавились еще темные слухи о заговорѣ на его жизнь. Бекетъ, не видя никакого другаго исхода изъ этого жалкаго положенія, обратился

къ королю съ просьбою дозволить ему оставить на время страну и, не получивъ удовлетворенія, тотчасъ же (король обѣщалъ дать рѣшеніе на слѣдующій день), въ туже ночь тайно оставилъ Нортэмптонъ, гдѣ происходилъ сеймъ, и, послѣ пятнадцати-дневнаго, соединеннаго съ разными затрудненіями и опасностями, путешествія, прибылъ во Францію въ ноябрѣ 1164 года. Въ подробностяхъ путешествія, въ исторіи пребыванія Бекета во Франціи, кажется, нѣтъ никакой нужды. Не беремся и за изложеніе тѣхъ странныхъ и противорѣчивыхъ оборотовъ, какіе въ разное время принималъ его процессъ; потому что онъ обставленъ столь многими, не строго относящимися къ дѣлу обстоятельствами, что изъ-за нихъ иногда едва видѣнъ предметъ, послужившій поводомъ къ столкновенію: объ обычаяхъ почти вовсе не упоминали, и рѣшеніе вопроса о нихъ, даже при заключеніи мира, послѣдовавшаго спустя 6 лѣтъ, съ согласія папы, отложено на будущее время. Гдѣ причина такихъ странностей? спроситъ читатель. Она заключалась, по нашему мнѣнію, въ томъ, что ссора Бекета съ Генрихомъ служила для многихъ какъ бы очагомъ, у котораго грѣлись ихъ собственныя страсти, такъ что огонь въ

немъ раздувался всякій разъ, когда эти многіе видѣли въ томъ для себя пользу. Не безукоризненна въ этомъ отношеніи и французская политика. Правда, Людовикъ VII оказалъ Бекету самый ласковый пріемъ, снабжалъ его средствами, помогалъ ему, чѣмъ могъ;— весьма вѣроятно, что онъ поступалъ такъ изъ христіанскаго состраданія и уваженія къ изгнаннику, тѣмъ больше, что онъ зналъ Бекета еще канцлеромъ, — но замѣчательно, что и этотъ государь не всегда одинаковъ былъ въ отношеніяхъ своихъ къ англійскому сановнику: онъ иногда даже и совершенно охладѣвалъ къ нему. Еще болѣе основательнымъ представляется наше положеніе, если мы обратимъ вниманіе на поведеніе въ этомъ дѣлѣ французскаго духовенства: „поведеніе св. престола соблазнительно для всей галликанской церкви,“ писалъ папѣ одинъ изъ французскихъ епископовъ, послѣ того какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что папа разрѣшилъ отлученнаго Бекетомъ лондонскаго епископа; „это значитъ разрѣшить сатану и связать вновь Распятаго Господа.“ Тотъ же прелатъ жаловался папѣ, что, при коронаціи наслѣдника англійскаго престола, не коронована была невѣста его, французская принцесса, и убѣждалъ его под-

вергнуть наказанію епископовъ, которые осмѣлились сдѣлать это опущеніе. Вообще замѣтно, что политическія страсти этого государства возбуждались всякій разъ, какъ только заходила рѣчь объ уступкахъ со стороны папы. Да и по отношенію къ послѣднему справедливость обязываетъ насъ сдѣлать нѣкотораго рода ограниченія. Мы видѣли, что едва только начинался процессъ надъ Бекетомъ, папа лишилъ его званія легата; прибавимъ, что лишеніе это продолжалось ровно два года, то есть до тѣхъ поръ, пока папа не достигъ Рима и не стало Октавіана, бывшаго ему соперникомъ. Обстоятельство это важно тѣмъ, что за все это время не предпринято ни одной карательной мѣры противъ кого либо изъ членовъ англійской церкви, ни даже противъ тѣхъ, которые были виновниками изгнанія изъ Англіи не только родственниковъ Бекста, но и лицъ, сколько нибудь обнаруживавшихъ свое къ нему расположеніе, съ ихъ женами, дѣтьми... Снисходительность тѣмъ болѣе странная въ его святѣйшествѣ, что ея не стало почти тотчасъ же, какъ папа занялъ Римъ, а Бекетъ сдѣлался снова легатомъ: отлученія полились какъ дождь, хотя главнымъ виновникомъ ихъ былъ Бекетъ. Онъ какбы вынуждалъ папу дѣйство-

вать со всею строгостію, не щадя для этой цѣли ни замѣчаній, ни укоризнъ, съ какими онъ обращался къ папѣ. Онъ писалъ даже папѣ, что въ лицѣ его страждетъ Христосъ, и каждый разъ, какъ только получалъ полномочіе легата (а оно нѣсколько разъ было ему возвращаемо), пользовался имъ для наказанія своихъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе, трудно помириться съ антихристіанскимъ поведеніемъ папы и съ его политикою въ дѣлѣ Бекета. „О еслибъ слышали вы," писалъ Бекетъ въ Римъ къ одному изъ кардиналовъ, „что говорится здѣсь къ стыду римской церкви! Въ письмахъ отъ папы, незадолго передъ этимъ доставленныхъ намъ нашими послами, мы встрѣтили нѣчто утѣшительное; но теперь слышимъ, что папа принялъ уже противное рѣшеніе. Не знаю, какъ объяснить это, но съ римскимъ дворомъ всегда бываетъ такъ, что Варавва отпущенъ, а Іисусъ Христосъ умерщвленъ. По винѣ этого двора, и наше изгнаніе продлилось цѣлыя шесть лѣтъ. У васъ осуждаютъ бѣдныхъ изгнанниковъ, убійцъ, воровъ, которыхъ даже св. Петръ не могъ бы разрѣшить: я говорю это," продолжаетъ Бекетъ, „смѣло, потому что Іисусъ Христосъ повелѣваетъ разрѣшать грѣшника только въ томъ случаѣ, когда онъ покает-

ся и принесетъ плоды—достойные покаянія; а у васъ разрѣшаютъ, не требуя возвращенія отнятаго, напротивъ изъ похищеннаго же послы королевскіе дѣлаютъ подарки кардиналамъ и папскимъ слугамъ. Я не хочу болѣе утомлять римскаго двора," заключаетъ онъ свое посланіе, „пусть идутъ туда тѣ, которые желаютъ и имѣютъ въ виду восторжествовать надъ справедливостью. Дай Богъ, чтобы путешествіе въ Римъ не погубило безполезно несчастныхъ, страдающихъ невинно." [1] Въ томъ же тонѣ писалъ онъ Граціану, бывшему нунцію во Франціи. Печальнѣе всего, что Бекетъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Англію въ 1170 году, уже послѣ того, какъ онъ помирился съ Генрихомъ, запасся папскими буллами, отлучавшими трехъ англійскихъ епископовъ, отъ общенія церковнаго, и даже тайно отправилъ ихъ съ кѣмъ-то, не имѣя возможности привезти съ собою это опасное оружіе. Поступокъ крайне неблагоразумный и неосторожный со стороны Бекета. Отлученные немедленно прибыли въ Нормандію и потребовали себѣ отъ короля защиты. Генрихъ до того былъ раздраженъ извѣстіемъ объ этомъ поступкѣ Бекета, что, въ

---

[1] Тамъ же. T. V. L. 72.

порывѣ негодованія и гнѣва, выразилъ даже упрекъ окружавшимъ его въ томъ, что ни одно изъ такого множества обязанныхъ ему лицъ не избавило его отъ столь безпокойнаго священника. Это было совершенно достаточно для приближенныхъ короля, чтобы совершить страшное преступленіе. Чрезъ четыре дня (29 декабря 1170 года) Бекетъ палъ отъ руки убійцъ, состоявшихъ дотолѣ при дворѣ короля. Убійцы не постыдились ни людей, ни Бога, совершивъ преступленіе днемъ, у ступеней престола соборнаго храма въ Кэнтербери. Лишь только огласилось преступленіе, сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ и каждаго также и то, что главнымъ виновникомъ преступленія былъ самъ король. Не отрицалъ этого и самъ Генрихъ, стараясь только уменьшить свою виновность объясненіями, посольствами. „Случившееся несчастіе,“ говорили депутаты его кэнтерберійскому капитулу, „до того огорчило короля, что онъ въ продолженіе трехъ дней не входилъ въ церковь, не принималъ никакой другой пищи, кромѣ миндальнаго молока, не внималъ утѣшеніямъ, отказалъ себѣ въ развлеченіяхъ и даже не показывался въ обществѣ. Конечно, вы не сомнѣвались въ томъ, что король не учавствовалъ въ злодѣяніи, но его безпокоитъ уже и

то, что, узнавши объ отлученіи епископовъ, совершившихъ коронацію, онъ не скрылъ о томъ своего сожалѣнія и не удержался отъ жалобы на то довѣреннымъ себѣ лицамъ. Онъ, конечно, не предполагалъ того, что въ числѣ этихъ довѣренныхъ лицъ найдутся такіе, которые даже совершатъ преступленіе съ цѣлію угодить этимъ королю. Сверхъ всякаго чаянія, четверо изъ приближенныхъ вдругъ, однакожь, тайно удалились отъ двора. Зная ихъ за самыхъ вспыльчивыхъ и злыхъ изъ всего государства, король сряду же послалъ догнать ихъ, но они уже отплыли и совершили преступленіе, тогда какъ король думалъ, что они находятся при немъ. Вотъ что, братіе, поручено намъ передать вамъ," говорили депутаты, „чтобы вы не имѣли подозрѣнія на короля и просили ему прощенія отъ Бога за то, что своими рѣчами онъ, быть можетъ, подалъ поводъ къ совершенію преступленія. Дайте тѣлу приличное погребеніе: король не помнитъ зла на умершаго." Съ подобною же цѣлію депутація отправлена была и въ Римъ, но здѣсь она уже не имѣла такого успѣха: кровь архіепископа слишкомъ вопіяла объ отмщеніи, чтобы можно было совершенно оставить безъ вниманія совершившійся гнусный фактъ. Римскій дворъ восполь-

зовался этимъ случаемъ какъ нельзя лучше, къ униженію короля, возвышенію своего достоинства и увеличенію своего матеріальнаго богатства. Король вынужденъ былъ отказаться отъ защищаемыхъ имъ обычаевъ; далъ обѣщаніе снарядить въ Іерусалимъ двѣсти воиновъ и содержать ихъ тамъ въ продолженіе года, даже лично сопутствовать имъ, или идти на богомолье въ другой какой либо городъ, если римскій дворъ не сниметъ этого обязательства. Мало того: чрезъ два года Ѳома Бекетъ былъ канонизованъ, наименованъ мученикомъ, и король долженъ былъ прибыть къ нему на поклоненіе съ покорною головою, босой, въ одеждѣ кающагося; но прежде чѣмъ допущенъ былъ до этого поклоненія, оставался въ притворѣ церкви, посвященной имени Бекета, цѣлыя сутки безъ пищи, перенесъ дисциплину отъ братіи, состоявшую въ ударахъ вервіемъ, и только тогда приступилъ почтить гробницу бывшаго своего соперника.

V.

Послѣдствія смерти Бекета, какъ видитъ читатель, велики; но мы не указали въ числѣ ихъ того еще, что Римъ, вслѣдствіе этихъ смутъ, пріобрѣлъ преобладаніе въ Англіи. Преобладаніе это дало себя почувствовать англійскому народу преимущественно въ злосчастное царствованіе Іоанна.

Король этотъ считается самымъ недостойнымъ изъ англійскихъ государей, и нѣтъ историка, который бы не заклеймилъ его названіемъ труса, человѣка коварнаго, вѣроломнаго, жаднаго до денегъ и пр. Названія заслуженныя: вопреки клятвѣ, онъ лишилъ жизни своего племянника; обращался недостойно съ народными представителями; издавъ хартію, въ которой онъ уступалъ гражданамъ нѣкоторыя изъ своихъ правъ, онъ, однакоже, во все время своей жизни старался уничтожить ее, при содѣйствіи папы: таково поведеніе этого ко-

роля. Но какого бы упрека ни заслуживалъ Іоаннъ, а папскія притязанія и обращеніе папъ того времени съ Англіею, по словамъ одного историка, до того чудовищны, что возбуждаютъ гораздо большее негодованіе и какъ бы заставляютъ опустить изъ виду пороки короля.

Въ 1205 году, по случаю смерти архіепископа, младшіе изъ членовъ кэнтерберійскаго капитула избрали на это мѣсто своего пріора и, вмѣстѣ съ просьбою объ утвержденіи съ необходимою для папскихъ вѣковъ поддержкою, отправили его въ Римъ. Епископы и король, считая это избраніе противузаконнымъ, избрали въ свою очередь другаго, Іоанна Грея, и получили на то согласіе неучавствовавшихъ въ прежнемъ избраніи монашествующихъ. Но утвержденіе зависѣло отъ Рима, и король отправилъ туда и съ своей стороны въ качествѣ пословъ тѣхъ же монашествующихъ для ходатайства за Грея. Папа,—то былъ знаменитый Иннокентій III, — сначала замѣтилъ епископамъ, что они не должны были обижать митрополитскую церковь—ихъ мать, а должны были, напротивъ, поддержать 'ея преимущества. Какъ ни ясно было, что папа былъ противъ

---

[1] Dr Lardner's Europe during the Middle Ages vol. VI. p. 223.

Грея, епископы стояли за него; папа высказался яснѣе. Онъ объявилъ епископамъ, что „они не имѣли права производить избраніе. даже вовсе запретилъ имъ когда либо вмѣшиваться въ это дѣло, и при этомъ предписалъ имъ молчать какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и при новыхъ, имѣющихъ представиться, замѣщеніяхъ.“ [1] Но и выборъ. сдѣланный монашествующими. былъ также не болѣе уваженъ. Папа самъ назначилъ архіепископомъ Лангтона—своего кардинала, и принудилъ находившихся въ Римѣ англійскихъ депутатовъ дать на то свое согласіе. Но не такъ отнеслись къ этому въ Англіи. Боясь найдти въ Лангтонѣ слѣпаго защитника папскихъ идей, Іоаннъ, какъ только узналъ о его назначеніи и о томъ, что депутаты изъ Англіи согласились съ папою, тотчасъ же излилъ свой гнѣвъ на оставшихся въ монастырѣ, выгналъ ихъ изъ страны и замѣстилъ августинцами, а къ папѣ отправилъ рѣзкое письмо, въ которомъ упрекалъ его за назначеніе Лангтона и называлъ это доказательствомъ неблагодарности къ Англіи со стороны римскаго двора: „не могу достаточно надивиться, писалъ онъ Иннокентію, что вы и римскій дворъ забыли, какъ необходима была

[1] Histoire par l'abbé Fleury.

для васъ до сихъ поръ моя дружба, забыли, что и доходовъ съ королевства вы получаете больше, чѣмъ сколько доставляютъ вамъ всѣ, взятыя вмѣстѣ, страны по сю сторону Альповъ.“ Въ заключеніе онъ снова возобновляетъ попытку въ пользу Грея, объявляя при этомъ, что, въ противномъ случаѣ, онъ воспретитъ подданнымъ своимъ ходить въ Римъ и носить туда свои богатства, и самъ не будетъ искать справедливости у иностранцевъ, когда ее могутъ оказывать свои собственные прелаты, которые притомъ и достаточно для того образованы.

Съ своей точки зрѣнія король былъ правъ и ошибался только во взглядѣ на Лангтона,— это былъ, какъ мы увидимъ, истинно достойный человѣкъ,—но вотъ вопросъ: могъ ли онъ безнаказанно обойдти понятія своего времени о мнимыхъ правахъ папы? Могъ ли поставить епископовъ выше того положенія, въ какое поставило ихъ это несчастное время и принятые на вѣру разные подложные документы? Король стоитъ за епископовъ, но развѣ забылъ онъ, что этому епископству недавно велѣно было молчать навсегда? Во всякомъ случаѣ король жестоко поплатился за свою дерзость, если только судьба его не была карой

за другія его преступленія Послѣ безуспѣшнаго внушенія королю о покорности (она-то и была нужна), папа въ началѣ 1208 года наложилъ на всю Англію интердиктъ. Чтобы понять важность и силу этого наказанія, стоитъ припомнить только, что въ слѣдъ за интердиктомъ прекращалось общественное богослуженіе, умолкалъ звонъ колоколовъ, и изъ всѣхъ церковныхъ требъ дозволялись только крещеніе младенцевъ и исповѣдь умирающихъ. Актъ этотъ объявленъ былъ чрезъ епископовъ элійскаго, лондонскаго и уорчестерскаго, которые, тотчасъ же по его опубликованіи, тайно удалились во Францію, чтобы предаться здѣсь, какъ увѣряетъ въ томъ, вслѣдъ за лѣтописцами, историкъ, всѣмъ видамъ наслажденій (?). Не то предстояло Англіи: не радость и не удовольствіе произвелъ въ Англіи ихъ геройскій подвигъ. Религіозное воспитаніе большинства всегда стоитъ въ тѣсной связи съ обрядностію церкви; здѣсь же отказано было не въ обрядности только, а даже въ самыхъ таинствахъ. И какъ бы въ насмѣшку надъ христіанскими нуждами, папство требовало отъ духовенства наиточнѣйшаго исполненія своего противу — христіанскаго распоряженія! Такъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ въ Римѣ, что въ нѣкото-

рыхъ монастыряхъ Нормандіи (она въ то время составляла еще часть англійскихъ владѣній), не смотря на интердиктъ, совершается литургія, папа запретилъ виновнымъ священнослуженіе, вызвалъ ихъ на судъ въ Римъ и снова предписалъ со всею точностію соблюдать интердиктъ. Богу только извѣстно, какое зло производила эта нечестивая мѣра, но папу это не трогало; напротивъ, онъ какъ бы находилъ услажденіе въ возбудившихся безпорядкахъ. „Такъ какъ съ воспрещеніемъ богослуженія не могло быть совершено въ Великій четвергъ освященія мѵра, то—что̀ дѣлать? спрашиваютъ англійскіе епископы у папы, еслибъ недостало его для крещенія.“ Папа предписываетъ прибавить къ остающемуся мѵру простаго масла. „Какъ быть, когда, по несовершенію литургіи, нѣтъ св. даровъ для причастія умирающихъ?“ Папа отвѣчаетъ: „умирающимъ вѣра можетъ восполнить недостатокъ св. причастія,“ и свое дерзкое, еретическое сужденіе старается оправдать словами бл. Августина: „вѣрь и ты ѣлъ.“ [1]

---

[1] Тамъ же. Говорилъ ли здѣсь его святѣйшество ex cathedra, вопросъ этотъ безразличенъ для православныхъ. Для насъ гораздо важнѣе историч. урокъ, что папа первый употребилъ языкъ позднѣйшихъ протестантовъ. Мысль эта прекрасно развита и главное—доказана у почтеннаго нашего Хомякова. Богосл. сочиненія. Т. II, изд. Ю. Ѳ. Самарина. Прага. 1867.

Состояніе это продолжалось цѣлые годы, а Іоаннъ еще не смирялся; тогда папа подвергъ его церковному отлученію и, какъ прежде, объявилъ эту мѣру чрезъ странствовавшихъ по Франціи англійскихъ епископовъ. Отлученный, какъ извѣстно, лишался черезъ то лобзанія мира за литургіей, права приступить къ причастію, услугъ отъ кого бы то ни было и даже христіанскаго погребенія по смерти; но потому ли, что гнетъ папскій становился ненавистнымъ для Англіи, или почему другому, нѣкоторые епископы продолжали попрежнему духовное общеніе съ королемъ. Но арсеналъ папскаго оружія не вовсе еще былъ истощенъ: папа буллою объявилъ короля лишеннымъ престола и разрѣшилъ подданныхъ его отъ присяги ему на вѣрность. Являлась нужда привести это распоряженіе въ исполненіе, потребовались для того мѣры уже не духовныя: папа не остановился и передъ ними. Онъ воспользовался національною враждою между Франціей и Англіей, передалъ французскому королю, на вѣчныя времена, англійскую корону и, по примѣру Александра III, благословилъ его, въ искупленіе грѣховъ, на начатіе войны съ Англіей. А какъ проэктъ этотъ представлялъ все таки много препятствій, то папа пригласилъ

къ содѣйствію своимъ видамъ воинственную молодежь нѣмецкихъ странъ, обѣщалъ имъ такое же покровительство римской церкви, какъ если бы они посѣтили гробъ Господень, словомъ: возбудилъ противъ Іоанна цѣлый крестовой походъ.

Приглашеніе папы, благодаря столь обязательному внушенію и дикимъ инстинктамъ времени, было принято съ радостію. Филиппъ французскій приготовился къ войнѣ, но не дремалъ и Іоаннъ; столкновеніе казалось неизбѣжно, войска уже готовились къ бою, какъ папскій нунцій, иподіаконъ Пандольфъ явился къ Іоанну, увѣрилъ его въ безнадежности его положенія и, помимо всякихъ сношеній съ Филиппомъ, заключилъ съ англійскимъ королемъ условіе, по которому Іоаннъ обѣщалъ и далъ на то, въ присутствіи свидѣтелей, письменную запись, въ которой значилось, что, для искупленія грѣховъ, онъ добровольно уступаетъ римской церкви въ лицѣ Иннокентія и его преемниковъ, королевства Англіи и Ирландіи со всѣми принадлежащими этому государству правами, что отселѣ онъ будетъ въ Англіи не болѣе, какъ вассалъ папы, даетъ ему присягу на подданство, обязуясь и обязуя своихъ преемниковъ платить римскому первосвященнику ежегодную подать въ 1000 марокъ. Король подалъ эту хар-

тію Пандольфу, присягнулъ по ней и заплатилъ причитавшуюся подать. Казалось бы, что тутъ и конецъ униженію представителя великаго народа. Но нѣтъ; гордость римской куріи нуждалась еще въ большемъ уваженіи короля: когда поднесены были нунцію выговоренныя девьги, онъ не прежде принялъ ихъ, какъ бросилъ ихъ сначала къ своимъ ногамъ. Въ виду этого факта, мы удерживаемся отъ всякихъ замѣчаній. Папа, узнавъ о случившемся, нашелъ, что никто, какъ Духъ Святый, внушилъ Іоанну принять свое рѣшеніе, и обязалъ его скрѣпить свое слово новою присягою и новою хартіею. И это сдѣлано. Оставалось отговорить отъ войны Филиппа французскаго: ловкій Пандольфъ успѣлъ и въ этомъ! Къ несчастію, недостойное поведеніе Іоанна до того вооружило противъ него англійскій народъ, что среди его явилось множество недовольныхъ правленіемъ короля и раздѣлилось на партіи. Одною изъ нихъ поднято было знамя мятежа и вызванъ изъ Франціи на мѣсто Іоанна сынъ Филиппа; другая же желала только расширенія политическихъ и гражданскихъ правъ народа, и старалась достигнуть своей цѣли моральными средствами. Король пожаловалъ великую хартію. Что касается папы, онъ не дѣлалъ различія между

противниками существовавшихъ безпорядковъ; напротивъ, будучи недостаточно строгъ къ заговорщикамъ, онъ поражалъ анаѳемами защитниковъ великой хартіи, отлучилъ Лангтона, который былъ за нее, отъ общенія съ церковію и съ своей точки зрѣнія—былъ правъ. Парламентъ помогъ Англіи сбросить съ себя папское иго.

VI.

Мы показали, какими путями и съ какою постепенностію и неуклонною послѣдовательностію папскій авторитетъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе значенія въ Англіи и, наконецъ, достигъ въ ней апогея своего могущества. Но былъ еще и другой путь—правда—незамѣтный, но тѣмъ не менѣе столь же прямой и краткій, которымъ воспользовался папа для большаго упроченія своего авторитета: это путь нововведеній, вносимыхъ въ англо-норманскую церковь, по мѣрѣ изобрѣтенія ихъ въ Римѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, при своемъ вторженіи въ Англію, Норманны застали здѣсь и брачное духовенство, и пріобщеніе младенцевъ, даже крещеніе чрезъ погруженіе. Припомнимъ также, что только двумя пунктами англо-саксонская церковь погрѣшала противъ вѣры православной,—это неправильнымъ чтеніемъ символа вѣры и ученіемъ о чистилищѣ,

котораго не знала древность, да и изъ этихъ пунктовъ, послѣдній, говоря строго, не былъ даже формулированъ, по крайней мѣрѣ не былъ вставленъ въ тѣ позднѣйшія рамки, въ какихъ онъ появился, когда папы изобрѣли индульгенціи и сатисфакціи, какъ средство къ возбужденію въ народѣ стремленія къ освобожденію св. земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того религіознаго фанатизма, который такъ рѣзко обнаружился во время крестовыхъ походовъ. Вслѣдъ за норманскимъ вторженіемъ, всѣ означенные пункты, сближавшіе англійскую церковь съ вселенскою православною, были или совершенно измѣнены или крайне преувеличены. Начало въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Ланфранку. Онъ ввелъ въ англо-норманскую церковь новый, тогда же составленный по римскимъ образцамъ, чинъ литургіи. Онъ же первый возсталъ противъ брачной жизни духовныхъ и постановилъ закономъ требовать безбрачія отъ кандидатовъ на священство. Анзельмъ зашелъ на этомъ пути еще далѣе, и былъ еще болѣе требователенъ: онъ отнялъ у женатыхъ священниковъ право священнослуженія и помышлялъ даже о томъ, чтобы не допускать до священнаго сана дѣтей духовныхъ лицъ. Къ пріобщенію, подъ однимъ видомъ, мірянъ при-

готовляли исподоволь: священникъ, преподавши освященную частицу хлѣба, подавалъ и чашу, но съ виномъ неосвященнымъ. Всѣ эти и другія нововведенія, впрочемъ, окончательно введены только тогда, когда несчастный Іоаннъ вынужденъ былъ отказаться отъ самостоятельности въ управленіи, и когда папа могъ располагать и свѣтскою властію для усмиренія непокорныхъ. [1] Тогда же въ средѣ большинства членовъ англійской церкви утратился древне-церковный взглядъ на церковное благоустройство и благочиніе. Ударъ нанесенъ ему, впрочемъ, еще введеніемъ въ учебныя учрежденія, по распоряженію папы, кодекса Граціана; а чтобы понять всю силу его вліянія на изучавшихъ его, припомнимъ только, что и Бекетъ, о которомъ мы уже говорили, и Іоаннъ Салеберійскій, взглядъ котораго увидимъ при разборѣ его сочиненій, смотрѣли оба на церковь и ея устройство глазами этого руководства. Въ видахъ упроченія того же папскаго

---

[1] Раньше же этого времени свѣтская власть не только отмѣняла иногда эти строгости, но и пользовалась ими, какъ случаемъ, къ обремененію духовенства и прямымъ налогамъ. Такъ было, напримѣръ, при Вильгельмѣ, который предоставилъ клирикамъ, за извѣстный денежный взносъ, право и, не бросая своихъ законныхъ женъ, оставаться при занимаемыхъ ими мѣстахъ,—право, которое отнялъ было, у нихъ Анзельмъ.

авторитета, извращался и тотъ смыслъ, какой соединяли въ древности съ соборами. [1]

Состояніе литературы въ разсмотрѣнный нами періодъ времени представляетъ болѣе пріятное зрѣлище; впрочемъ, и на ней весьма печально отразились церковныя смуты.

Рядъ писателей этой эпохи начинается Ланфранкомъ. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: трактатъ объ Евхаристіи противъ Беренгарія, объясненіе посланій апостола Павла и нѣкоторыя другія менѣе замѣчательныя.

Въ Трактатѣ объ евхаристіи Ланфранкъ первоначально напоминаетъ своему противнику непослѣдовательность его поведенія и неприличіе возвращаться къ тому, въ чемъ прежде дано было отреченіе; говоритъ, что Беренгарій неточно приводитъ и форму своего отреченія и употребляетъ для прикрытія этой неточности діалектическія тонкости. Затѣмъ слѣ-

---

[1] Римскіе легаты какъ бы нарочито парадировали смыслъ соборовъ, на которые они высылались въ качествѣ представителей своего епископа. Вотъ два примѣра: въ 1125 году, въ первый день пасхи, римскій легатъ, священникъ по сану, въ епископскихъ облаченіяхъ совершалъ въ кэнтерберійскомъ храмѣ литургію вмѣсто архіепископа; въ 1239 г. діаконъ-легатъ не иначе явился на соборъ, какъ въ предшествіи двухъ архіепископовъ, сопутствуемый епископами, и въ митрѣ. Abbé Fleury, T. V. L. 81. Ch. VII.—Gervas. Dorobern. Act. Pontif. Cantuar. p. 1663. Edit. inter X Anglicos scriptor. Lond. 1652.

дуютъ возраженія Беренгарія и отвѣты на нихъ Ланфранка. Вотъ образчикъ разсужденій того и другаго. „Хлѣбъ и вино, по освященіи ихъ, становятся таинствомъ вѣры, не переставая быть, чѣмъ были прежде, какъ говоритъ Амвросій медіоланскій, измѣняются, оставаясь чѣмъ были?“ Ланфранкъ, не отвергая во все точности этого мѣста, противопоставляетъ ему другія изреченія того же св. отца, гдѣ онъ говоритъ положительно, что евхаристія не есть болѣе то, что образовала природа, а то, во что она освящена благословеніемъ священника. Да и въ томъ мѣстѣ, прибавляетъ Ланфранкъ, изъ какого взяты эти слова, св. отецъ сравниваетъ чудо евхаристіи съ чудомъ сотворенія міра. Слова, подавшія поводъ къ возраженію, по его мнѣнію, нужно понимать такъ, что, при видимомъ неизмѣненіи евхаристическихъ видовъ по формѣ, они измѣняются по внутреннему существу своему въ то, чѣмъ не были прежде, и свидѣтельствуетъ, что въ нѣкоторыхъ экземплярахъ сочиненій св. Амвросія, которыя находились у него подъ руками, слова эти читаются такъ: „Если слово Господа было достаточно мощно для творенія изъ ничего, то во сколько разъ могущественнѣе оно измѣнить существующее въ нѣчто другое!“ Нако-

нецъ, Ланфранкъ ставитъ вопросъ положительно и доказываетъ догматъ о пресуществленіи писаніями западныхъ и отчасти восточныхъ отцевъ церкви, и видитъ въ согласномъ вѣрованіи всей церкви несомнѣнное доказательство истинности ученія, которое онъ защищаетъ. [1]

Ланфранкъ, кромѣ того, извѣстенъ какъ искренній и усердный покровитель просвѣщенія. Онъ учреждалъ школы, собиралъ у себя людей образованныхъ, и даже только еще учившихся, для собесѣдованія и, что важнѣе всего, старался замѣщать высшія церковныя должности лицами трудившимися для науки.

Еще болѣе видное мѣсто въ исторіи литературы занимаетъ преемникъ и другъ Ланфранка Анзельмъ. Для него ученые труды были какъ бы отдыхомъ отъ различныхъ треволненій и непріятностей, какія онъ испытывалъ. Сочиненій его множество и всѣ они носятъ на себѣ печать глубокомыслія столько же, сколько и вкуса, написаны до того легко и краснорѣчиво, что едва замѣчаешь, что авторъ не вовсе еще освободился отъ схоластическихъ пріемовъ. По содержанію своему, они обнимаютъ

[1] Patrolog. Cursus Compl. par l'abbé Migne.

почти весь составъ догматическаго богословія и состоятъ въ отдѣльныхъ трактатахъ, а нравственный выводъ сдѣланъ Анзельмомъ въ его Размышленіяхъ. Молитвахъ. Гимнахъ и Правилахъ.

Само собою разумѣется, что письменность этого времени не составляетъ ни точнаго выраженія богопреданнаго ученія, ни еще менѣе служитъ ему критеріемъ: доказательство тому мы находимъ не далѣе, какъ въ тѣхъ же сочиненіяхъ Анзельма. Между ними находится даже трактатъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Отмѣтимъ въ этомъ произведеніи одно, что, защищая прибавленіе къ символу вѣры, Анзельмъ не возстаетъ противъ чтенія безъ прибавленія, находитъ даже это чтеніе почтеннымъ, но оговаривается, что прибавленіе сдѣлано какъ уступка распространившемуся на Западѣ чтенію и не можетъ быть отмѣнено. Но есть въ этихъ писаніяхъ доказательство и того, что въ XII вѣкѣ ученіе римско-католической церкви было не то, которое теперь она проповѣдуетъ, напр. относительно зачатія Божіей Матери. Анзельмъ не зналъ новѣйшаго догмата о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы. [1]

---

[1] См. прилож. въ концѣ кн. подъ буквою.

Анзельмомъ, впрочемъ, и заключается рядъ блестящихъ писателей этой эпохи. Писатели, слѣдовавшіе за нимъ, занимались по преимуществу исторіей; но многіе изъ нихъ дали для ней только матеріалы. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ:

Эадмеръ, описавшій въ своемъ сочиненіи (Historia novorum) исторію царствованія Вильгельма Рыжаго и первыхъ лѣтъ правленія Генриха. Ему принадлежитъ также біографія Анзельма—сочиненіе весьма цѣнное, какъ написанное спутникомъ и другомъ этого замѣчательнаго человѣка. Другія сочиненія Эадмера, по свидѣтельству Райта, менѣе замѣчательны. [1]

Ордерикъ, сынъ священника изъ Орлеана, родился въ 1075 году, и переименованный Виталіемъ при вступленіи въ монашество. Онъ оставилъ послѣ себя 30 книгъ исторіи церковно-гражданской—сочиненіе, не отличающееся ни систематичностію, ни связностію изложенія, ни даже хронологическою точностію, но замѣчательное своею правдивостью и полнотою и составляющее, потому, весьма цѣнный матеріалъ для исторіи Нормандіи и Англіи.

Матвѣй Парисъ или Парижскій. Въ своей исторіи Англіи отъ 1166 до 1259, онъ, по

[1] History of Literature, by Wright.

выраженію Вебера, съ безпощадною рѣзкостію и полною откровенностію изображаетъ и порицаетъ развратъ духовенства, вымогательства папъ, пороки и слабости великихъ міра.

Вильгельмъ Молсберійскій, названный такъ по имени монастыря, въ которомъ былъ монахомъ, писалъ въ первой половинѣ XII вѣка; но ни мѣсто рожденія его, ни годъ смерти съ точностію не извѣстны. Почти также ничего неизвѣстно и о его жизни, такъ какъ онъ самъ не любилъ говорить о себѣ. Дошла впрочемъ до насъ одна черта изъ его жизни, именно: что онъ отказался отъ сана аббата, которымъ было хотѣли его почтить. Говоря о достоинствѣ сочиненій Вильгельма М., Райтъ замѣчаетъ: „послѣ Беды, онъ первый сдѣлалъ попытку поставить исторію выше сухой и неосвѣщенной критикою хроники и исполнилъ свою задачу успѣшно. Тотъ же почтенный библіографъ, ставя произведенія Молсберійскаго монаха, по цѣнности ихъ, вслѣдъ за англо-сакской хроникой, находитъ его разборчивымъ и даже не предзанятымъ.

Сочиненія Вильгельма Молсберійскаго, кромѣ другихъ:

Исторія англійскихъ королей до 1120 г., въ 5 книгахъ.

Два тома современной исторіи отъ 1126 до 1143 г., въ двухъ книгахъ.

Четыре книги сказаній объ англійскихъ епископахъ.

Біографіи Анзельма, Вульстана и др.

Наконецъ, Іоаннъ Солсберійскій. Сочиненія его замѣчательны и сами по себѣ и по тому положенію, какое занималъ онъ въ обществѣ. Онъ былъ секретаремъ Ѳеобальда, Бекета и даже его преемника, архіепископовъ кэнтерберійскихъ; неоднократно путешествовалъ въ Римъ, пользовался дружескимъ расположеніемъ папы Адріана, который былъ тѣмъ болѣе искренен и довѣрчивъ къ Іоанну, что оба они были англичане. Собесѣдованія свои съ св. отцемъ Іоаннъ передаетъ въ своей металогикѣ. Они показались намъ дотого назидательными, что мы позволяемъ себѣ представить вниманію читателя небольшую, но замѣчательную по ея характеристичности, тираду. „Какъ думаютъ въ народѣ о римской церкви?“ спросилъ папа. „Она, говорятъ, отвѣтилъ Іоаннъ, поступаетъ съ управляемыми ею церквами не какъ мать, а какъ мачиха; въ ней возсѣдаютъ, прибавилъ онъ, книжники и фарисеи, которые, по евангелію, налагая бремена тяжкая на другихъ, сами даже не дотрогиваются до нихъ и пер-

стомъ; господствуютъ надъ духовенствомъ, а свою паству развращаютъ примѣромъ дурной жизни; собираютъ драгоцѣнную мебель, отягощаютъ столы золотомъ и серебромъ, а бѣднымъ даже не даютъ и приступить къ себѣ, или же подаютъ милостыню изъ тщеславія; ссорятъ одну епархію съ другой, возбуждаютъ тяжебныя дѣла, посѣваютъ раздоръ между духовенствомъ и мірянами, а на то, что отъ этого страдаетъ та и другая сторона, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, считая обращеніе къ Риму съ жалобою выраженіемъ благочестія; въ римской церкви все продажно, и справедливость даже; впрочемъ, столь строгіе для пороковъ воздаютъ должную честь достойнымъ. Римскій первосвященникъ также въ тягость всѣмъ и почти не терпимъ. Жалуются, что въ то время, какъ церкви почти въ развалинахъ и олтари лишены должнаго украшенія, онъ строитъ только дворцы и наряжается въ золото и пурпуръ, и пророчитъ папѣ большія несчастія, какъ справедливое наказаніе отъ Бога. „А ваше собственное мнѣніе?“ спросилъ папа у своего друга. Іоаннъ, сославшись на то, что одинъ изъ кардиналовъ, даже въ присутствіи папы, сказалъ о римской церкви, что она страдаетъ двоедушіемъ, прибавилъ, что и

онъ того же мнѣнія. „Проповѣдь и жизнь, присовокупилъ онъ къ этому, не должны противорѣчить въ васъ одна другой. Всѣ восхищаются вами, всѣ вамъ льстятъ, называютъ васъ отцемъ и господиномъ: если вы отецъ, то зачѣмъ же ждете подарковъ отъ своихъ дѣтей? Если вы господинъ, то почему же не почитаютъ васъ римляне? Это оттого, что вы сбились съ прямого пути, св. отецъ. Туне пріятое нужно туне и давать.“ Адріанъ не обидѣлся на это, не противорѣчилъ даже, а только объяснилъ необходимость поборовъ баснею о жалобѣ трудолюбивыхъ членовъ на бездѣятельный и все пожирающій желудокъ.

Эта выписка даетъ уже понятіе о важности труда, изъ котораго заимствовали мы этотъ замѣчательный разговоръ. Но пусть никто не заключаетъ отсюда, что Іоаннъ, такъ вольно разсуждавшій о папѣ, имѣлъ правильный взглядъ на папство; напротивъ, онъ былъ даже защитникомъ самыхъ крайнихъ идей папства: говорилъ, напр., что государь получаетъ отъ руки церкви мечъ и право, дѣйствующее совмѣстно съ правомъ церкви, такъ что онъ есть слуга священства для исполненія той стороны права, которая недостойна руки священниковъ, и что священникъ можетъ лишить

его даннаго имъ права; учитъ, что позволительно умерщвлять тирановъ и даже старается доказать эту неправду свящ. Писаніемъ. Папу онъ величаетъ титуломъ: его величество, ваше величество. [1]

Но перейдемъ къ тому, какъ воспользовался папа пріобрѣтенною имъ властію.

---

[1] Patrolog. Cursus Compl. par Migne.

VII.

Ошибка Іоанна составляетъ апогей папскаго могущества и вліянія въ Англіи. Нигдѣ интердиктъ не тяготѣлъ такъ долго, какъ надъ нею; нигдѣ кара, постигшая королей по винѣ папы, не сопровождалась такимъ глубокимъ оскорбленіемъ національнаго чувства чести. За то и папство оказалось здѣсь тѣмъ, чѣмъ оно и есть, именно учрежденіемъ, существующимъ въ противорѣчіе съ истиннымъ христіанствомъ.

Отнятыя у короля права на участіе въ избраніи епископовъ отнюдь не были переданы мѣстной церкви; да у короля они отняты были только номинально, такъ какъ на практикѣ онъ попрежнему оставался распорядителемъ церковныхъ избраній. Разница только въ томъ, что съ этого времени король въ самыхъ произвольныхъ своихъ дѣйствіяхъ опирался на волю, согласіе или потворство папы, и оба какъ бы сговорились угнетать страну. Вотъ

нѣсколько случаевъ, взятыхъ нами изъ первыхъ источниковъ. Въ 1228 году каѳедра архіепископа кэнтерберійскаго сдѣлалась вакантною. Монашествующіе, въ силу даннаго имъ папою дозволенія, избрали архіепископомъ нѣкоего Вальтера. Король воспротивился; и такъ какъ Вальтеръ былъ уже на пути въ Римъ для утвержденія его въ новомъ званіи, то король отправилъ туда же и свое посольство. Оно состояло изъ двухъ епископовъ и архидіакона, и снабжено было письмомъ отъ короля. Папа замедлилъ рѣшеніемъ. Опасаясь за успѣхъ, англійскіе послы предложили папѣ десятую часть годоваго дохода съ Англіи, и Вальтеру было отказано. Но право замѣщенія каѳедры кэнтерберійскаго архіепископа папа все-таки удержалъ за собою. Понятно было, что одного словеснаго обѣщанія было недостаточно для папы; нужно было подкрѣпить его чѣмъ-либо болѣе прочнымъ, чѣмъ завѣренія на словахъ: уполномоченные поняли это и, представивъ папѣ, съ согласія короля, форменное ручательство въ точности исполненія даннаго обѣщанія, достигли своей цѣли. По ихъ желанію, архіепископомъ назначенъ былъ Ричардъ, канцлеръ Англіи. Къ сбору денегъ для исполненія обѣщанія приступлено было, конечно, немедленно:

но объ этомъ мы скажемъ нѣсколько позже, чтобы не утомить читателя вставочными фактами. А здѣсь считаемъ нелишнимъ прибавить, что папа велъ тогда войну съ Фридрихомъ, императоромъ германскимъ, и обѣщанными Англіею деньгами хотѣлъ обезпечить исходъ ея въ свою пользу. [1] Въ 1231, по случаю новаго избранія архіепископа въ той же епархіи, явилось новое затрудненіе. Капитулъ назначилъ архіепископомъ Невиля, епископа уинчестерскаго, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и канцлеромъ Англіи. За патріотизмъ, правосудіе и другія добрыя качества, этотъ прелатъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Къ несчастію, его патріотизмъ, который былъ такъ дорогъ для его соотечественниковъ, оказался недостаткомъ въ глазахъ папы, и Невилю было отказано. Капитулъ произвелъ новые выборы и назначилъ кандидатомъ Іоанна, подпріора монастыря; но въ Римѣ, куда онъ прибылъ для утвержденія, не нашли возможнымъ утвердить и его, и отказъ свой мотивировали его старостію. Выборы, произведенные монашествующими въ третій разъ, оказались въ результатѣ столь же неудачными. Не помогла

[1] Math. Paris.

имъ на этотъ разъ ни молодость, ни ученость Бленда, изъ Оксфорда: римскій дворъ мотивировалъ свой отказъ въ утвержденіи Бленда тѣмъ, что онъ будто бы подкупилъ капитулъ. Папа распорядился избраніемъ самъ. и жаль, что онъ не сдѣлалъ этого раньше; такъ какъ на выборы эти, кромѣ моральныхъ трудовъ и денегъ, потрачено было около четырехъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ кэнтерберійская каѳедра оставалась незанятою.[1] Въ 1238 г., папа по желанію короля и вопреки усиленному ходатайству капитула, поставилъ епископомъ въ Уинчестеръ Вильгельма, брата графа фландрскаго, получивъ за то богатые подарки, а нѣсколько позже даже положительно запретилъ капитулу когда либо избирать лицо, чѣмъ-либо непріятное королю. Король, повидимому, того только и ожидалъ. Цѣлые десятки лѣтъ проходили иногда, прежде чѣмъ избирался епископъ для свободной епархіи, а если и своевременно замѣщались кѣмъ-либо вакансіи, такъ это были лица недостойныя сана. Такъ, король принудилъ уинчестерскій капитулъ принять кандидатомъ на епископію своего брата Эльмара, хотя „онъ былъ, какъ говорили мо-

[1] Ibid.

нашествующіе королю, и слишкомъ молодъ и и малосвѣдущъ.“ Послѣ упомянутаго нами положительнаго воспрещенія папы, уже не могло быть и рѣчи ни о жалобѣ къ папѣ, ни о протестѣ противъ произвола короля. Монашествующіе, по словамъ лѣтописца, потеряли даже всякую надежду на справедливость римскаго двора, и потому съ жалобою къ папѣ не обратились. „Еслибъ мы, говорили они, выбрали въ епископы даже самого св. Петра, то и тогда король расположилъ бы папу отвергнуть наше избраніе; такимъ образомъ, съ одной стороны у насъ врагъ король, а съ другой могущественнаго противника мы имѣемъ въ папѣ и находимся какъ бы между двумя мельничными жерновами.“ [1] Въ началѣ XIV столѣтія мы встрѣчаемся съ новымъ покушеніемъ со стороны папъ. Вонифатій VIII, вопреки избранію, произведенному въ Англіи, назначилъ своего кандидата и буллою предоставилъ ему даже право на земли, состоявшія при епископіи. Но это притязаніе встрѣчено самымъ дѣйствительнымъ противодѣйствіемъ: папскій легатъ вынужденъ былъ дать присягу на вѣрность англійскому королю, равно какъ отречься отъ

[1] Ibid.

привиллегій на земли; а въ наказаніе за то, что прелатъ этотъ принялъ отъ папы такую обидную для государства буллу, его обязали заплатить штрафу 1000 марокъ. Новый папа возобновилъ попытку своего предшественника, и также далъ поставленному имъ въ Уинчестеръ своему легату Теста инвеституру на земли, но и эта попытка имѣла также мало успѣха: и этотъ итальянецъ вынужденъ былъ присягнуть королю и отречься отъ буллы.

Назначеніе на другія высшія церковныя должности папа также присвоилъ себѣ, и распоряжался ими, какъ хотѣлъ. Во-первыхъ, онъ обязалъ всѣхъ аббатовъ являться въ Римъ для утвержденія въ санѣ; мало того, всѣ доходнѣйшія мѣста—раздалъ итальянцамъ, не знавшимъ мѣстнаго нарѣчія и бывшимъ часто вовсе недостойными даже низшихъ степеней клира. Нерѣдко случалось даже, что эти иностранцы жили внѣ Англіи и все-таки пользовались доходами церковныхъ мѣстъ, на которыя были назначены. Нечего и говорить о томъ, какъ мало клиръ, составленный изъ подобныхъ элементовъ, приносилъ пользы [1] и какъ

[1] Описывая современное состояніе храмовъ, богослуженія и благотворительности, лѣтописцы то сѣтуютъ, то негодуютъ и молятъ Бога даже о мщеніи.

мало онъ могъ имѣть и имѣлъ внутренней независимости. Но и при этомъ онъ поставленъ былъ въ такія условія, которыя какъ будто нарочито придуманы были для отнятія у него и послѣдней свободы. Съ XII вѣка явились въ Англіи разные монашескіе ордена. Установленные съ цѣлію внести въ клиръ и поднять на высокую степень тѣ добродѣтели, которыхъ онъ не имѣлъ, они сами вскорѣ подверглись ржавчинѣ пороковъ, противъ которой призваны были ратовать. Начавъ преслѣдовать богатство, они стали предаваться роскоши, гнаться за властію. Въ этомъ, впрочемъ, виноватъ самъ римскій дворъ. Папа освободилъ эти общины отъ мѣстнаго епископскаго надзора, облекъ монашествующихъ правами, несовмѣстными съ обязанностями и обѣтами послушанія, сдѣлалъ ихъ судьями общественной совѣсти, поддержкою своихъ мнимыхъ правъ на верховное управленіе церковію, и они стали въ тягость церкви. Особенно тяжелы были для англійской церкви доминиканцы и францисканцы. Въ силу папскихъ полномочій, они являлись всюду—то для совершенія исповѣди, то подъ предлогомъ проповѣдничества, вкрадывались въ довѣріе людей богатыхъ или знатныхъ, становились ихъ агентами, устроивали

брачные союзы, занимали вліятельныя должности при дворѣ и въ то же время старались подорвать въ обществѣ уваженіе къ мѣстному клиру. Не менѣе вредили ему и лишали его свободы и аппелляціи въ Римъ. Чтобы понять это стѣсненіе, достаточно припомнить тотъ замѣчательный фактъ, что нѣкоторые епископы предпочитали прямо купить свободу въ управленіи деньгами, чѣмъ подвергаться постояннымъ безпокойствамъ и притѣсненіямъ со стороны папы. Такъ поступилъ Рейнольдъ кэнтерберійскій. А за этимъ злоупотребленіемъ слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, именно: однажды папою предоставлено было архіепископу кэнтерберійскому право въ теченіе трехъ лѣтъ замѣщать праздныя мѣста при коллегіальныхъ и и каоедральныхъ церквахъ во всѣхъ епархіяхъ, составлявшихъ митрополію кэнтерберійскую, а юрисдикція мѣстныхъ архіереевъ была на это время уничтожена, то есть архіепископъ уполномочивался нарушать каноны, какъ нарушилъ ихъ папа. Та же сбивчивость понятій замѣтна и въ низшемъ духовенствѣ. Доказательство этого мы видимъ въ томъ фактѣ, что и монашествующіе въ это время брались судить епископовъ и даже отлучали ихъ отъ общенія церковнаго. И все это зло терпѣлось, чтобы не

сказать поощрялось, изъ желанія безраздѣльнѣе властвовать и возможно болѣе обогащать сановниковъ римскаго двора. Съ фактами, доказывающими вторую половину нашего положенія, мы встрѣтимся далѣе; теперь же, для полноты этой главы, помѣщаемъ только слѣдующее историческое данное: „по вычисленію Гростета, епископа линкольнскаго, говоритъ Матвѣй Парисъ, Вонифатій VIII обѣднилъ англійскую церковь болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники отъ самаго начала папства. Доходы иноземныхъ клириковъ, которымъ онъ роздалъ мѣста въ Англіи, простирались до 70,000 марокъ, тогда какъ доходъ короля не составлялъ и третьей части этой суммы.“ [1]

---

[1] Math. Par. подъ 1253.

VIII.

Къ чести англійской націи нужно сказать, что въ церковной исторіи XIII столѣтія встрѣчаются и такія личности, которыя не только возвышались своею жизнію надъ общимъ уровнемъ, но находили въ себѣ, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ, столько мужества и энергіи, что открыто возставали противъ господствовавшихъ злоупотребленій. Народъ уважалъ этихъ людей, сочувствовалъ имъ, считалъ ихъ угодными Богу, не смотря даже на осужденіе, которому римскій дворъ подвергъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣятелей. Изъ числа ихъ находимъ нужнымъ упомянуть здѣсь объ Эдмондѣ, архіепископѣ кэнтерберійскомъ, и Робертѣ, епископѣ линкольнскомъ.

Главною заботою Эдмонда во время управленія архіепископіею, было возвращеніе церкви свободы епископскихъ избраній; но онъ не достигъ и этой скромной цѣли,—и тутъ только

видишь, какъ мало воспользовалась мѣстная церковь трудами Анзельма, Бекета и др. Архіепископъ, съ цѣлію хотя сколько нибудь ограничить произволъ короля (то былъ Генрихъ III), просилъ папу узаконить для выборовъ шестимѣсячный срокъ, по истеченіи котораго право замѣщенія вакантной каѳедры принадлежало бы уже духовенству. Григорій IX, благодаря уступчивости, съ которою принималъ Эдмондъ назначаемые поборы, былъ согласенъ, но не былъ согласенъ на то король, считая назначеніе срока обидою и ущербомъ для короны, и папа измѣнилъ свое мнѣніе. Такимъ образомъ, вмѣсто улучшенія, попытка Эдмонда только ухудшила положеніе церкви. Признательный Генрихъ, въ благодарность за сохраненіе statu quo, помогъ папѣ пополнить казну: когда монашествующіе явились къ нему съ жалобою на папскихъ сборщиковъ, король съ презрѣніемъ указалъ нунцію на жаловавшихся, даже предложилъ ему для заключенія ихъ цѣлую тюрьму. Фактъ возмутительный и для посторонняго лица! Понятно, какъ могъ онъ повліять на Эдмонда при множествѣ другихъ несправедливостей и оскорбленій. Эдмондъ, дѣйствительно, не выдержалъ; оставилъ свой престолъ, „уставши, какъ говоритъ лѣтописецъ, жить и видѣть церковь болѣе и

болѣе поруганною и лишенною свободы и достоянія.“ Онъ не могъ даже видѣть этого положенія вещей и удалился во Францію, гдѣ скоро умеръ, въ 1240 году, съ чувствами истиннаго благочестія, которыми отличался всегда, и съ слѣдующею молитвою на устахъ: „На Тебя, Господи, я надѣялся; Тебя проповѣдывалъ; Тебѣ поручилъ я съ вѣрою мое стадо; и Ты знаешь, что я не желалъ ничего на землѣ, кромѣ Тебя, Господи!“ Столь же теплое чувство вѣры одушевляетъ и оставленный имъ письменный трудъ: „Speculum Ecclesiae.“ Тутъ есть и краткій катихизисъ, [1] и нѣсколько словъ о христіанской морали. Замѣчательнѣе всего наставленія монашествующимъ въ подвигахъ самоусовершенствованія,—и это сочиненіе, какъ все средневѣковое, ниже писаній древней христіанской эпохи.

Робертъ Гростетъ (Roberta Capito), епископъ линкольнскій, по описанію одного историка, былъ человѣкъ строгихъ понятій о долгѣ, прямой, безкорыстный, безукоризненной жизни, пламенной ревности, неустрашимый духомъ и, при этомъ, въ высшей степени образованный.

[1] И конечно нѣтъ въ немъ ни слова о папѣ.

Если мы представимъ себѣ еще и ту среду, въ которой онъ жилъ, тогда безъ преувеличенія можно сказать, что жизнь его была не что иное, какъ постоянная борьба съ порокомъ и уродливыми понятіями времени. Къ несчастію, весьма ненадежны были ни религіозная почва, ни догматическія основанія, на которыхъ ему суждено было стоять, и еще менѣе нашелъ онъ для себя опоры въ людяхъ, стоявшихъ тогда во главѣ римской церкви. Но и при этомъ Гростетъ сумѣлъ расширить рамку своей дѣятельности, отчасти возвысился даже надъ принятою догматикою и, что особенно замѣчательно, отнюдь не вслѣдствіе предзанятыхъ понятій. Какъ другіе, онъ принесъ даръ римскому двору, по случаю принятія сана, какъ другіе, прибѣгалъ къ деньгамъ для расширенія отнятой у него епископской юрисдикціи; но не какъ другіе, былъ энергиченъ, смѣлъ и правдивъ; и Римъ, ни отъ кого не слышавшій ни одного слова порицанія, отъ линкольнскаго святителя услышалъ грозное слово, какъ наказаніе заслуженное. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Съ согласія папы Гростетъ обревизовалъ монастыри своей епархіи и готовился уже принять мѣры для искорененія найденныхъ безпо-

рядковъ, какъ папа отнялъ у него прежде уступленное ему право. Гростетъ съ горечью замѣтилъ св. отцу свое разочарованіе, и указалъ даже на побужденія, по которымъ терпятъ въ Римѣ зло: „о деньги, деньги, воскликнулъ онъ въ присутствіи папы, какъ сильны вы особенно при римскомъ дворѣ!“ Папа отвѣтилъ на это только упрекомъ въ намѣренныхъ будто бы притѣсненіяхъ монашествующимъ. Съ тою же смѣлостію возсталъ епископъ противъ права, уступленнаго кэнтерберійскому архіепископу—замѣщать вакантныя мѣста въ другихъ епархіяхъ. „Обычай этотъ, писалъ онъ къ папѣ, составляетъ причину того, почему духовенство не имѣетъ ни вліянія, ни образованія, ни охоты трудиться, ни усердія, (impotens aut ignorans, nolens aut negligens); все это зло породили антиканоническія постановленія на духовныя должности и привиллегіи, даруемыя римскимъ дворомъ.“ Въ томъ же письмѣ Гростетъ порицаетъ обычай причислять приходскія церкви къ монастырямъ, изъятія, аппелляціи, выраженіе: *не смотря на прежнія постановленія* (non obstandum), къ которому такъ часто прибѣгалъ римскій дворъ, когда представлялась выгода принять иной образъ тактики; говоритъ также противъ возбужденія къ

войнѣ, взятокъ, разврата и пр. Но папа не вразумился этимъ правдивымъ урокомъ.[1]

Въ 1253 году Иннокентій назначилъ каноникомъ въ Линкольнъ своего племянника, и повелѣлъ Гростету предоставить ему первую, имѣвшую открыться, пребенду, заранѣе объявляя недѣйствительнымъ всякое другое назначеніе для этой доходной статьи, и отлучая отъ церкви всѣхъ, кто тому воспротивится, а за точностью этого распоряженія поручилъ слѣдить одному церковному сановнику—итальянцу, и облекъ его съ этою цѣлію всѣми правами суда, „отмѣнивъ на это время всѣ прежнія постановленія.“ Но ни предосторожности, принятыя папою, ни угрозы, которыми обставилъ онъ свое распоряженіе, не принесли ему пользы. Гростетъ не подчинился приказу. „Папскія распоряженія, думалъ я, писалъ онъ Иннокентію, не могутъ противорѣчить ученію Христа и Его апостоловъ, но убѣдился въ противномъ: письма папы не отвѣчаютъ составленному мною понятію о святости апостольскаго сѣдалища. Рубрика: *не стѣсняясь прежними постановленіями* (non obstandum) породила повсюду непостоянство, дерзость, непокорность,

[1] Order. Vital. transl. by Forester. Lond. 1853. 4 vol.

безстыдство, ложь, обманъ, недостатокъ взаимнаго довѣрія; а пороки, произшедшіе отъ нихъ, поколебали чистоту религіи и спокойствіе общественное. Это — грѣхи падшей денницы и антихриста, потому что нѣтъ ничего противнѣе Евангелію, отвратительнѣе и гнуснѣе, какъ быть пастыремъ и торговать дарами пастырства. Всѣ виды власти, по Апостолу, даны на созиданіе, а не на разрушеніе. Мѣра же, принятая апостольскимъ престоломъ, достойна сѣдалища заразы, и заслуживаетъ виновнику ея адскихъ мученій. Поэтому, никто не долженъ повиноваться такимъ распоряженіямъ, чтобы не отдѣлиться черезъ то отъ тѣла церкви; напротивъ, всякій долженъ противодѣйствовать имъ, какъ произведенію не Духа, но плоти и крови, что я и дѣлаю: filialiter et obedienter non obedio, sed contradico et rebello.

Дерзновеніе — достойное удивленія! Папа пришелъ въ негодованіе на Гростета и, вѣроятно, загремѣлъ бы на него всѣми громами Ватикана, не пощадилъ бы никакихъ строгостей, еслибъ не былъ отговоренъ отъ того людьми, знавшими настроеніе умовъ въ Англіи и то уваженіе, какое питали тамъ къ линкольнскому архипастырю. Дѣйствительно, это была самая ловкая мѣра, какую когда либо принялъ

римскій дворъ. Многіе, впрочемъ, увѣряютъ, что Гростетъ все таки былъ отлученъ отъ общенія церковнаго; съ этимъ согласны и мы и думаемъ, что, только вслѣдствіе всеобщаго недовольства къ Риму, мѣра эта не была выполнена. Епископъ скончался 9-го октября 1253 года, съ сокрушеніемъ истиннаго христіанина и съ праведнымъ негодованіемъ на злоупотребленія Рима. [1] Погребеніе его совершалъ архіепископъ кэнтерберійскій, при необыкновенномъ стеченіи народа, и къ общей горести всѣхъ. Но вражда папы не погасла и со смертью противника: Иннокентій повелѣлъ было Генриху выбросить изъ могилы кости покойника, но письмо папское, какъ говорятъ, даже не было отправлено. Народъ, какъ мы уже замѣтили, считалъ его святымъ, не смотря на то, что папа не включилъ его имени въ святцы. [2]

---

[1] Онъ видѣлъ даже ересь въ легкомысліи, съ какимъ папа распоряжался въ англійской церкви духовными должностями, и подводилъ поведеніе римскаго двора подъ слѣдующее опредѣленіе: haeresis est sententia humano sensu electa, scripturae sanctae contraria, palam edocta, pertinaciter defensa. Жизнеописаніе Гростета мы читали по Пегге: Life of Robert Grossetête by Pegge (Samuel). London 1793.

[2] Licet a papa non fuit catalogo sanctorum ascriptus, tamen ab ore hominum sanctus Robertus fuit nominatus. Collier's Eccles. hist. p. 463.

Главный трудъ Гростета—это переводъ съ греческаго на латинскій языкъ апокрифическаго сочиненія: „Завѣщаніе двѣнадцати ветхозавѣтныхъ патріарховъ.“ Помимо назидательности, иногда довольно глубокой, оно не имѣетъ никакого другаго значенія и своимъ появленіемъ на латинскомъ языкѣ доказываетъ только, какъ мало даже передовые люди среднихъ вѣковъ умѣли отличать каноническія сочиненія, памятники достойные высокаго уваженія, отъ подложныхъ и недостойныхъ такого глубокаго вниманія. [1]

---

[1] Grosthead (Rob) Episc. Linc. Testamentum duodecim Patriarcharum hibri tres. Hagan. 1532.

IX.

Нѣтъ сомнѣнія, что такіе характеры, какъ Робертъ, епископъ линкольнскій, ослабляли уже значеніе папы; но еще большій ударъ нанесъ папѣ, какъ мы сказали, англійскій парламентъ: всякій разъ, какъ король не въ силахъ былъ отклонить папскія притязанія своимъ собственнымъ авторитетомъ, вступалъ въ свои права парламентъ, протестовалъ, вырабатывалъ мало по малу узаконенія, противныя этимъ притязаніямъ. При такой сильной поддержкѣ и подъ защитою парламента, возвышало иногда свой голосъ и духовенство.

Въ 1228 году римскій дворъ потребовалъ отъ парламента двухъ пребендъ во всякомъ каѳедральномъ соборѣ и двухъ монашескихъ пайковъ съ каждаго монастыря. „Удовлетвореніе этому требованію дало бы возможность производить безмездно папскій судъ и такимъ образомъ спасло бы римскую церковь

отъ укора въ корыстолюбіи, подъ которымъ она находилась издавна,“ говорилъ папа. Но какъ ни благообразенъ былъ видъ, въ какомъ представлено было это требованіе, парламентъ не принялъ, однакоже, соображенія св. отца, и отказалъ нунцію въ своемъ согласіи. Попытка кэнтерберійскаго архіепископа также не привела къ желанному для римскаго престола результату.[1]

Но въ 1240 году и англійское духовенство дало урокъ въ приличіяхъ, выходившему изъ нихъ, римскому двору. Папскій уполномоченный собралъ первоначально богатую дань съ монастырей, увѣривъ монашествующихъ, что епископы съ своей стороны уже заплатили ее, и обязавъ ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока не открывать о томъ никому,—а почему, на то есть, говорилъ онъ, секретъ папы. Потребовалъ затѣмъ пятую часть годовыхъ доходовъ и съ остальнаго духовенства. Оброкъ этотъ, правда, заплаченъ; но дѣло въ томъ, что епископы выразили при этомъ нѣкотораго рода сознательное упрямство. Легату прежде всего объявлено было, что требованіе

[1] Отказъ этотъ, впрочемъ, не былъ абсолютнымъ; то, въ чемъ отказано было парламентомъ, уступило духовенство, и въ результатѣ папа долго еще одерживалъ верхъ.

его должно быть предварительно обсуждено всѣмъ духовенствомъ, и что потому дѣло о собраніи дани должно быть отложено на нѣкоторый срокъ; а когда собрано было духовенство, предложеніе легата было принято не съ рабскою покорностью, даже не въ общемъ собраніи и отнюдь не по единодушному согласію, даже меньшинства. Соборъ счелъ нужнымъ подвергнуть обсужденію самую цѣль сбора вести войну съ императоромъ, какъ гласила о томъ булла, и вовсе не одобрилъ этой цѣли; онъ подвергъ даже нѣкоторому анализу степень виновности императора, не смотря на то, что онъ нѣсколько разъ уже пораженъ былъ папской анаѳемой. Мы не можемъ, сказали епископы, вспомоществовать папѣ противъ императора, какъ еретика; потому что, хотя онъ папою и отлученъ, но канонически еще не обличенъ въ ереси и не осужденъ приговоромъ церкви. Вступленіе съ войскомъ въ папскія владѣнія еще недостаточный резонъ, такъ какъ церковь не имѣетъ обычая употреблять насиліе и поднимать войну противъ непокорныхъ ей еретиковъ. Притомъ сборъ этотъ составляетъ явное нарушеніе папскаго слова, такъ какъ папа обѣщался незадолго передъ тѣмъ не обременять болѣе налогами англійской церк-

ви. Но что всего удивительнѣе, на этомъ соборѣ упомянутъ даже авторитетъ вселенскаго собора, который, по мнѣнію собравшихся, долженъ былъ бы разсмотрѣть требованіе папы, какъ касающееся всего христіанства. Обратившись затѣмъ къ священникамъ, папскій легатъ получилъ и отъ нихъ не менѣе разумный отвѣтъ. Какъ римская церковь, сказали они, имѣетъ свои доходы, распоряженіе которыми принадлежитъ папѣ, такъ и другія церкви, владѣющія пожертвованіемъ государей, имѣютъ свою собственность, и по управленію ею не обязаны платить таксы или подати апостольскому сѣдалищу; что, какъ на языкѣ закона, вся страна есть собственность короля, не потому однакоже, чтобы онъ владѣлъ всѣмъ, былъ хозяиномъ всего, а только въ смыслѣ управленія ею, такъ и папа, управляя церковію, не имѣетъ права распоряжаться достояніемъ и собственностію клира. И Спаситель, сказавши Петру: *ты еси Петръ*, верховную власть предоставилъ самому себѣ, а Апостолу ввѣрилъ только администрацію; и хотя сказано: что *свяжете на земли, будетъ связано на небеси, и еже разрѣшите на земли*, и пр., но не сказано: все, что потребуете на землѣ, будетъ потребовано на небѣ, а изъ упомянутыхъ

словъ это ни какъ неможетъ быть выведено. Съ тѣхъ поръ, какъ ученіемъ святыхъ отцовъ церкви доходы церковные опредѣлены на поддержку клира, на пособіе бѣднымъ, на поправку освященныхъ зданій, доходы эти не должны получать другаго употребленія, развѣ только съ согласія на то церкви вселенской. А въ виду того, что контрибуціи требуетъ папа на войну противъ императора, который есть союзникъ и родственникъ короля, они не должны помогать его святѣйшеству безъ согласія на то короля. Помощь эта, продолжало англійское духовенство, безпримѣрная въ исторіи предшествующаго времени, и что прежде, когда клиръ англійскій былъ и богаче, и владѣлъ землями, даже безъ обязательства платить налоги государству, онъ не платилъ папѣ никакой подати, хотя папа и прелаты были иногда изгоняемы, страдали отъ притѣсненій имперіи, и пр. [1] Какъ ни разумны, какъ ни энергичны эти отвѣты, — легатъ все таки достигъ своей цѣли, и папа не убѣдился убѣдительностію этихъ доводовъ и краснорѣчіемъ этихъ отвѣтовъ. По истеченіи трехъ лѣтъ, онъ потребовалъ новой дани. Протестъ повторился

[1] Math. Paris и др. лѣтописцы.

и состоялъ въ томъ, что воинственныя замашки папы снова осуждены были англійскимъ клиромъ.

Въ 1246 году папа держалъ въ Ліонѣ тринадцатый, такъ называемый, Вселенскій соборъ. На немъ присутствовали, кромѣ Балдуина, императора константинопольскаго, для поддержанія котораго, между прочимъ, и держанъ былъ соборъ, 140 епископовъ и множество другихъ лицъ. Англійская церковь сочла этотъ случай самымъ удобнымъ для заявленія своихъ жалобъ на притѣсненія, отъ которыхъ она страдала. Римскій дворъ, говорилось въ письмѣ, прочитанномъ въ третьемъ засѣданіи, не ограничиваясь обычнымъ динаріемъ, налагаетъ другіе оброки, обременительные и по количеству и потому, что постоянно повторяются; раздаетъ духовныя мѣста итальянцамъ, незнакомымъ съ народнымъ нарѣчіемъ и лишеннымъ даже нравственныхъ качествъ; папскіе агенты присвоиваютъ себѣ имѣнія умершихъ безъ завѣщанія; наконецъ, папа Иннокентій IV (1243—54 г.) противорѣчитъ своимъ же распоряженіямъ, къ соблазну всѣхъ и ко вреду тѣхъ, которыхъ касается новая мѣра. Папа, какъ ни настаивали англійскіе представители, и какъ ни просили пособить горю,

отвѣтилъ однимъ, что дѣло это требуетъ серьезнаго обсужденія. Какъ будто его нельзя было обсудить съ такимъ числомъ присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ! Оказывается, что откладываніе дѣла въ долгій ящикъ было въ рукахъ папъ всегда самымъ лучшимъ средствомъ къ поддержанію и своего деспотизма и своего корыстолюбія.

Въ Англіи приняли отвѣтъ папы за чистую монету; созванъ былъ нарочитый парламентъ, который серьезно занялся обсужденіемъ этого положенія дѣла и, составивъ актъ объ угнетеніяхъ, отправилъ его къ папѣ. Каждый классъ націи излагалъ особо свое горе и нужды, каждый высказывалъ свои надежды на улучшеніе. Излагать здѣсь содержаніе этихъ писемъ значило бы дѣлать повтореніе; мы укажемъ только на одно, что письма эти чрезвычайно согласно и настойчиво твердятъ о народномъ неудовольствіи и всѣ грозятъ папѣ несчастіями. Особенно смѣло письмо свѣтскихъ бароновъ: они прямо объявляютъ папѣ, что не потерпятъ долѣе на себѣ иноземнаго ига; можетъ быть, по этой рѣшительности тона и важности ихъ положенія, только они одни и удостоились отвѣта. Въ немъ папа увѣряетъ ихъ въ чистотѣ своихъ намѣреній, говоритъ, что онъ могъ заблуждаться и

что, не смотря на то, что онъ представляетъ собою лицо безгрѣшное, имѣетъ ошибочныя сужденія и можетъ позволить себѣ ошибки какъ другіе люди, потому что носитъ съ собою слабости человѣческой природы. [1] Признаніе достойное полнаго вниманія, особенно въ виду настоящаго вселенскаго собора, на которомъ между прочимъ думаютъ догматизировать непогрѣшимость папы. Конечно, было бы еще лучше, еще почтеннѣе и достойнѣе св. отца, если бы онъ, сознавшись въ ошибкѣ, взялъ назадъ предъявленное тогда свое требованіе, о чемъ просили папу даже нѣкоторые изъ кардиналовъ. „Ради Бога, умѣрьте вашъ гнѣвъ. говорилъ одинъ изъ нихъ, оставьте эти непристойныя выходки, если позволено мнѣ сказать такъ. Теперь всѣ политическія обстоятельства противъ насъ и по нашей винѣ. Съ Англіею мы обходились какъ съ рабочей скотиной, били ее пинками и шпорами до того немилосердно, что она начала ревѣть, какъ Ваалова ослица.“ Но папа не вразумился и этою откровенностію своего кардинала, онъ все еще гнѣвался, и только уступчивость Англіи обезоружила этотъ гнѣвъ.

[1] Ibid. Collier's Eccles. hist.

Безуспѣшность этихъ протестовъ въ самомъ началѣ не помѣшала, однакоже, имъ принести пользу времени послѣдующему; результатомъ ихъ были весьма важныя практическія постановленія. Такъ узаконено было, чтобы ни одно духовное лицо не посылало денегъ или имуществъ церковныхъ изъ королевства, и чтобы аббатъ или пріоръ изъ иностранцевъ не облагалъ монастырей денежными налогами. При Эдуардѣ II духовенство, наравнѣ съ другими сословіями, вынуждено было оказать свое вспомоществованіе государству, не смотря на свои привиллегіи, а это прямымъ путемъ ограничивало папское могущество. При Эдуардѣ III произведено было оффиціальное дознаніе о числѣ бенефисовъ, состоявшихъ въ рукахъ иностранцевъ; запрещены аппелляціи къ Риму; въ 1343 году парламентъ указалъ королю на то, что папа назначилъ двумъ изъ своихъ кардиналовъ бенефисы въ Англіи, восходящіе до 6000 марокъ, и, вслѣдствіе этого, постановлено не принимать папскихъ документовъ, клонившихся ко вреду короля или народа, и опредѣлено наказаніе даже тѣмъ, кто осмѣлился принести ихъ, какъ и тѣмъ, которые рѣшились бы обратиться съ аппелляціями къ

[1] Ibid.

Риму по вопросу о бенефисахъ. Чрезъ три года парламентъ предположилъ было даже совсѣмъ изгнать изъ страны иностранныхъ монаховъ, а имѣнія ихъ обратить въ средство къ образованію юношества, и предложилъ столь же рѣшительныя мѣры противъ бенефисовъ въ Англіи и другихъ высшихъ лицъ изъ иностраннаго клира. Обычай требовать въ пользу духовенства 1/4 или 1/5 часть имѣнія, при составленіи завѣщаній, также подвергся строгому осужденію. Всѣ эти протесты и мѣры не могли не вліять благопріятно на новыя поколѣнія Англіи, не могли не вырабатывать въ немъ духа еще большей свободы и независимости отъ папской власти со всѣми ея притязаніями. И вотъ явился человѣкъ, который въ отрицаніяхъ своихъ коснулся не злоупотребленій только, а самой власти папы, хотя, къ сожалѣнію, крайности въ сомнѣніяхъ повели его къ отрицанію и истинно-существенныхъ сторонъ вѣры: то былъ Виклефъ.

X.

Для того, чтобы объяснить себѣ появленіе Виклефа и скептическое направленіе его мысли, достаточно только представить себѣ нравственное и религіозное состояніе тогдашняго общества. Въ обществѣ этомъ трудно подмѣтить и мысль объ отвѣтственности за проступки: съ такою легкостію и такъ часто совершались въ немъ самыя страшныя злодѣянія.[1] Направленіе ужасное! Но оно-то именно и составляло, конечно съ исключеніями, несчастный

---

[1] Для характеристики времени считаемъ необходимымъ указать на слѣдующій случай. Въ 1380 году войско, расположенное около Портсмута, въ ожиданіи отправленія своего на континентъ, занималось грабежемъ, отнятіемъ женъ и дочерей у окрестныхъ жителей и, что еще печальнѣе, начальникъ самъ подавалъ къ тому примѣръ. Сэръ Арундель силою ворвался съ своими подчиненными солдатами въ одинъ изъ женскихъ монастырей, отвелъ монахинь къ себѣ на суда, а когда поднялась буря, бросилъ всѣхъ этихъ несчастныхъ въ море. Считаемъ нелишнимъ прибавить къ этому, что бурею разбило почти весь флотъ, и самъ Арундель погибъ.

удѣлъ вѣка, въ которомъ родился и жилъ Виклефъ. [1] Одаренный необыкновенно свѣтлымъ умомъ и столь же возвышеннымъ чувствомъ, онъ естественно пришелъ къ мысли спросить себя о причинѣ существовавшаго безобразія. Отвѣтъ, повидимому, указывался самыми обстоятельствами: Англія вела около того времени продолжительныя войны, которыя, по многимъ обстоятельствамъ, влекли за собою только праздность, развратъ и нищету; но войны служили только обнаруженіемъ безобразія, а не причиною. Виклефъ понялъ это и обратилъ критическій взглядъ свой на римскую церковь. При взглядѣ на нее, скептицизмъ его окрѣпъ еще болѣе: римская церковь стояла также низко, какъ и общество; папа и его дворъ первые соблазняли всѣхъ своимъ поведеніемъ, и дѣйствительно оно было возмутительно. „Римъ, говоритъ около этого времени Петрарка, это земной адъ, убѣжище злыхъ духовъ, пріютъ всего, что гадко и гнусно. Нѣтъ тамъ ни благочестія, ни почтенія или страха Божія, нѣтъ ни вѣры, ни милосердія, словомъ ничего, что свято, справедливо, человѣчно;“ и прибавляетъ:

---

[1] John Wicklif by Wanghau. Lond. 1853. Wicklif's writigs Lond. 1831.

„зачѣмъ же я стану толковать о правдѣ, когда все заражено ложью: жилище простолюдина, палаты вельможъ, дворцы государей, церкви, каѳедры папъ и кардиналовъ; когда ею представляются зараженными даже самая земля и воздухъ?“ Но то, что вызвало негодованіе со стороны поэта, тоже самое заставило философа, какимъ былъ Виклефъ, постараться указать ему причину. Вотъ путь, какимъ пришелъ Виклефъ къ мысли о превышеніи власти папою. „Я караю, говорилъ онъ самъ въ спорѣ съ монашескими орденами, не лица и не имъ хочу вредить, а ихъ ученію,“ и руководился этимъ правиломъ во всю свою жизнь. Онъ родился въ 1324 году, учился въ Оксфордѣ и здѣсь же былъ профессоромъ, и пріобрѣлъ, въ теченіе своей ученой карьеры, всѣ ученыя степени Въ 1360 году мы находимъ его въ борьбѣ съ монашескими орденами, но въ этой борьбѣ не высказались еще окончательно его взгляды. Виклефъ не отвергалъ монашества, а только требовалъ отъ членовъ его жизни сообразной съ обѣтами, и даже по слѣдующему случаю, который, повидимому, долженъ былъ совершенно ожесточить его. Виклефъ не показалъ озлобленія. Въ 1360 году архіепископъ Изленъ, на собственное иждивеніе устроивъ въ Оксфордѣ

коллегіумъ, съ составомъ членовъ его на половину изъ бѣлаго духовенства, четыре года спустя, предоставилъ коллегіумъ въ исключительное распоряженіе бѣлаго духовенства и поставилъ смотрителемъ его Виклефа. При преемникѣ Излепа, Лангамѣ, напротивъ, монашествующіе признаны были единственными владѣльцами коллегіума, а Виклефъ и его товарищи были изгнаны. Виклефъ подалъ жалобу въ Римъ, а монахи принесли туда свои подарки, и черезъ пять лѣтъ Виклефу объявлено было рѣшеніе процесса не въ его пользу.

Между тѣмъ пришло въ Англію требованіе отъ нея папою пресловутой денежной дани и накопившихся по ней за 30 лѣтъ недоимокъ.[1] Король и парламентъ отвѣтили папѣ рядомъ постановленій, которыя были направлены, хотя и несовсѣмъ замѣтно, къ ограниченію въ Англіи папской гегемоніи,[2] замедлили при этомъ уплатою и подати. Виклефъ, съ своей стороны, также принялъ участіе въ этомъ патріотическомъ вопросѣ. Онъ написалъ и рас-

---

[1] Доказательство того, какъ неточно соблюдалось въ Англіи ненавистное обязательство и какъ ослабѣлъ къ этому времени папскій авторитетъ.

[2] Парламентъ, между прочимъ, постановилъ, чтобы должности канцлера, хранителя государственныхъ сокровищъ, главнаго судьи и т. под. замѣщаемы были не духовными, а свѣтскими.

пространилъ въ публикѣ рядъ брошюръ, въ которыхъ, передавая разсужденія, будто бы слышанныя имъ въ парламентѣ, представляетъ даже грѣхомъ исполнить требованіе папы. Вотъ содержаніе этихъ рѣчей. „Папѣ запрещено Евангеліемъ, сказалъ будто бы одинъ изъ депутатовъ, вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла и требовать себѣ подати по примѣру феодальныхъ государей. Онъ есть лицо чисто духовное и долженъ быть главнымъ послѣдователемъ Христа, а Христосъ и Самъ не восхотѣлъ принять на Себя управленія свѣтскими дѣлами, и запретилъ то Своимъ ученикамъ. Потому что когда корыстолюбивый человѣкъ изъ мірскихъ разсчетовъ обѣщалъ слѣдовать за Нимъ, Спаситель отвѣтилъ ему: *лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити.* Какъ бы такъ говорилъ Онъ: „не думай, что Я хочу научить тебя дару исцѣленій, чтобы ты пріобрѣлъ чрезъ то, вмѣстѣ съ богатствомъ, и свѣтское господство; нѣтъ! ни Я, ни Мои ученики не хотимъ этого въ здѣшнемъ мірѣ. „А такъ какъ папа обязанъ поступать именно по этому образцу, то ясно, что наша обязанность противодѣйствовать ему въ вымогательствахъ.“

Плата дѣлается обыкновенно за какія либо услуги, говорилъ будто бы другой членъ парламента. Какія же услуги, спросилъ онъ у собранія, получила Англія отъ лица, которое называетъ себя слугою слугъ Божіихъ? и отвѣтилъ, что не польза произошла для Англіи отъ сношеній съ папою, а вредъ. И сомнительно, продолжалъ тотъ же ораторъ, чтобы Іоаннъ согласился на всегдашнюю подать. Но если это вѣрно, то вѣрно также и то, что папа пріобрѣлъ благодатное англійское царство за духовныя услуги и, значитъ,—путемъ симоніи; а отсюда вытекаетъ обязанность каждаго уничтожить этотъ трактатъ, такъ какъ онъ заключенъ съ тѣмъ, который самъ нарушилъ союзъ свой со Христомъ.

Наконецъ, будто бы сказано также, что Іисусъ Христосъ есть Владыка всего существующаго, что Онъ силенъ защитить тѣхъ, которые получили отъ Него обладаніе собственностію и владѣютъ ею въ покорности Ему; тогда какъ папа подлежитъ даже грѣхамъ смертнымъ и чрезъ то теряетъ всякое право на обладаніе.

Къ этому времени относится также чтеніе Виклефа предъ университетской аудиторіей сочиненія: „Разговоры о предметахъ вѣры,“ въ четырехъ книгахъ. Въ сочиненіи этомъ Ви-

клефъ отнюдь уже не принимаетъ больше на вѣру римской доктрины; онъ обращается почти исключительно къ священному писанію и разуму, возстаетъ противъ индульгенцій, требуетъ свободы для духа, разитъ монашество, да и самаго папу не разъ клеймитъ названіемъ антихриста. Но какъ, повидимому, ни рѣзко возсталъ Виклефъ противъ папства, еще ни онъ, ни правительство не теряли надежды покончить миромъ споръ съ папою. Вышло иначе. Посольство, отправленное къ папѣ, въ составѣ котораго находился и Виклефъ, не достигло никакихъ результатовъ; дань заплачена, а извѣстность, какую пріобрѣлъ Виклефъ, и мѣсто ректора, которымъ почтилъ его университетъ, только расположило папу употребить и противъ него свою власть. Вслѣдствіе этого онъ отправилъ въ Англію цѣлыхъ 5 буллъ съ требованіемъ наказаній Виклефу, [1] и выслалъ

[1] Три буллы адресованы къ архіепископу и епископу лондонскому. Въ первой онъ повелѣваетъ арестовать Виклефа и подвергнуть его тюремному заключенію, еслибъ онъ оказался виновнымъ въ ереси. Во второй приказываетъ распубликовать повсюду зовъ его къ суду въ трехмѣсячный срокъ, на случай, еслибъ они не нашли подсудимаго. Въ третьей внушаетъ имъ извѣстить короля и его сыновей о появившейся ереси и просить ихъ содѣйствія къ ея искорененію. Въ четвертой, писанной на имя короля, изъявляетъ надежду на его услуги. Въ пятой, на имя университета, жалуется, что канцлеръ и его помощники позволили вырости терпію лжеученія.

даже обвинительные пункты противъ него; они состояли въ слѣдующемъ: 1) Богъ далъ церкви доходы не навсегда, и потому, свѣтскіе государи могутъ и отнять ихъ у ней, конечно по благословной причинѣ; 2) церковь не можетъ употреблять отлученія и другія карательныя мѣры въ качествѣ средства къ вымогательству доходовъ; отлученіе имѣетъ силу единственно въ томъ только случаѣ, когда оно произнесено согласно съ закономъ Божіимъ; 3) каждый законно рукоположенный священникъ получилъ достаточную власть для совершенія таинствъ и, значитъ, для разрѣшенія искренно кающихся отъ всѣхъ грѣховъ, какіе бы они ни были; 4) каждый изъ духовныхъ, не исключая и папы, можетъ быть обличенъ подчиненными ему, хотя бы это были даже міряне. Но какъ ни вѣрны эти положенія и ни безопасны для церкви истинной, англійскіе епископы, зная немощи римской церкви, нашли ихъ богопротивными, и Виклефъ непремѣнно поплатился бы за нихъ свободою, еслибъ не защитили его стоявшіе тогда въ главѣ правительства его друзья. Сдѣлавшись свободнымъ, реформаторъ развилъ свои положе-

---

среди чистой пшеницы, которую онъ сѣялъ (да полно—чистую ли пшеницу сѣялъ папа?).

нія, а преслѣдованіе, которому онъ подвергся за нихъ со стороны римскаго двора, заставило отнестись скептически и къ другимъ пунктамъ вѣры, въ которыхъ онъ видѣлъ, хотя безъ основанія, поддержку папства. При вторичномъ судопроизводствѣ надъ Виклефомъ насчиталось уже не четыре обвинительныхъ пункта, а цѣлыхъ шестнадцать, изъ которыхъ десять названы даже прямо еретическими.— Тутъ только видно, какъ легко было, даже для римской церкви, благовременными реформами, указанными Виклефомъ, остановить его въ крайностяхъ. Ученіе, которое поставлено было ему въ вину, состояло въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) сущность хлѣба и вина остается въ таинствѣ евхаристіи и послѣ освященія; 2) случайныя приключенія не остаются безъ послѣдствій для таинства; 3) Іисусъ Христосъ не пребываетъ въ немъ истинно, дѣйствительно и существенно, и пр. 4) Ни рукоположеніе, ни приношеніе евхаристіи, ни крещеніе, совершенныя священникомъ, впадшимъ въ смертный грѣхъ, не дѣйствительны; 5) при внутреннемъ раскаяніи излишня внѣшняя исповѣдь; 6) нѣтъ основанія въ Евангеліи, что Самъ Христосъ установилъ чинъ литургіи; 7) зло въ мірѣ имѣетъ свое самостоятельное начало; 8) только при

святости жизни облеченнаго властію обязательна для другихъ его власть, въ противномъ случаѣ и папа не имѣетъ никакой власти, какъ сдѣлавшійся орудіемъ діавола; 9) съ Урбана VI не слѣдуетъ болѣе признавать папъ, а каждая помѣстная церковь должна быть управляема мѣстною же властію, принявъ въ томъ за образецъ греческую церковь; 10) духовенство владѣетъ имуществомъ въ противность священному Писанію; 11) смертные грѣхи лишаютъ права на обладаніе имуществомъ; учредившіе монашескіе ордена согрѣшили тѣмъ противъ Бога, и т. д. Поставленный на этотъ разъ одинъ лицомъ къ лицу съ своими могущественными врагами, Виклефъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, давъ отреченіе отъ всѣхъ безъ исключенія означенныхъ положеній, какъ ни различно ихъ относительное достоинство, и цѣною этого подчиненія пріобрѣлъ себѣ снова свободу. Но и при этомъ, онъ вынужденъ былъ сойти съ поприща своей дѣятельности: оставить университетъ и занять только мѣсто сельскаго священника. Это послужило къ лучшему: уединеніе, на которое его осудили, и большая зрѣлость мысли внушили ему посвятить себя на такое дѣло, которое должно было бы быть для него первымъ и главнымъ, имен-

но заняться переводомъ священнаго Писанія на общенародный языкъ. Въ этихъ трудахъ онъ и скончался въ 1384 году.

Имя Виклефа пользуется у протестантовъ необыкновеннымъ уваженіемъ; цѣнимъ это имя и мы, православные. Мы видимъ въ Виклефѣ человѣка, искренно желавшаго ознакомить современниковъ съ истинною волею Божіею, противника папства и другихъ предразсудковъ своего вѣка, патріота и человѣка честнаго. Всѣ означенныя качества тѣмъ болѣе возвышаютъ Виклефа въ нашихъ глазахъ, что онъ жилъ въ вѣкъ папской тиранніи, которая тѣмъ менѣе поощряла добродѣтели и просвѣщеніе, чѣмъ несроднѣе была для ней ихъ сфера, что и общество, казалось, не желало для себя лучшей доли и другаго призванія, какъ тѣ, на которыя обрекло его папство. Но мы должны при этомъ пожалѣть и душевно сожалѣемъ о томъ, что человѣкъ столь энергическій и съ умомъ столь свѣтлымъ и возвышеннымъ поставленъ былъ въ необходимость своими собственными силами очищать ученіе церкви отъ тѣхъ заблужденій и лжи, какія привнесло въ него папство, и при этомъ не имѣть подъ руками, такъ сказать, *образа здравыхъ словесъ*, который бы могъ служить для него критеріемъ

и руководителемъ, — мы разумѣемъ здѣсь восточное православное ученіе. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть здѣсь о маломъ знакомствѣ Виклефа съ православіемъ, что свѣтлый и здравый умъ его умѣлъ оцѣнить по достоинству то, что было ему изъ него извѣстно. Мы имѣемъ при этомъ въ виду его предложеніе отвергнуть папство и возстановить въ каждой помѣстной церкви права мѣстныхъ епископовъ, принявъ въ томъ за образецъ церковь греческую.

Думается, что если бы онъ знакомъ былъ съ православіемъ вполнѣ и основательно,—у него не явились бы столь рѣзкіе взгляды, какіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проводитъ онъ, и какіе составляютъ не что иное, какъ плодъ антагонизма съ папствомъ и предразсудками своего вѣка съ одной стороны, и ничѣмъ необуздываемой свободы ума, съ другой. Хочется вѣрить, что православіе, по отсутствію въ въ немъ крайностей папства и привнесеній кичливаго разума, и привилось бы скорѣе, и спасло бы англійскую церковь отъ тѣхъ переворотовъ, которые она испытала съ тѣхъ поръ, къ ущербу душевнаго мира и спокойствія совѣсти своихъ членовъ.

XI.

Идеи, привнесенныя Виклефомъ, еще при жизни его, пріобрѣли себѣ многочисленныхъ приверженцевъ и поборниковъ не только въ Англіи, но далеко даже и за ея предѣлами. Такому громадному распространенію идей англійскаго мыслителя содѣйствовала не только ихъ новость, смѣлость и нерѣдко безукоризненное достоинство, не только значительно поднявшійся въ въ то время, съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ и изобрѣтеніемъ книгопечатанія, уровень общаго образованія, при отсталости и неподвижности папства, развившаго свои неимовѣрныя притязанія, но и самая жизнь и поведеніе лоллардовъ, [1] какъ называ-

---

[1] Нѣкоторые думаютъ, что это названіе дано имъ отъ Лолларда— противника римской церкви, сожженнаго въ 1322 г. въ Кельнѣ. Другіе выводятъ — изъ филологическаго термина, которымъ обозначали во время Виклифа употребляемый послѣдователями его напѣвъ псалмовъ.

ли учениковъ Виклефа. Вотъ какъ описываетъ ихъ жизнь Ренеръ—одинъ изъ хорошо знакомыхъ съ образомъ поведенія лоллардовъ, которому мы тѣмъ болѣе должны повѣрить, что онъ былъ не только католикомъ, но и вмѣстѣ католикомъ-инквизиторомъ: „ученики Виклефа, говоритъ онъ, держатъ себя скромно и съ достоинствомъ, избѣгаютъ щегольства въ одеждѣ, менѣе другихъ гонятся за житейскими интересами и жалуются на растлѣніе нравовъ въ человѣчествѣ. Они живутъ единственно своимъ трудомъ, презираютъ богатство и довольствуются только самымъ необходимымъ. Они не занимаются торговлею, потому что она такъ тѣсно связана съ ложью, божбой и обманомъ, тогда какъ они никогда не божатся и даже говорятъ мало. Они цѣломудренны и воздержны; никто не видитъ ихъ въ питейныхъ домахъ или за пустыми удовольствіями. Единственное ихъ занятіе, которому они безраздѣльно и всецѣло преданы, — учить другихъ или самимъ учиться. Они набожны; употребляютъ молитвы краткія, порицая безжизненную вялость молитвы. Въ проповѣдяхъ своихъ они по преимуществу указываютъ на необходимость милосердія. Говоря, что молитва Господня, прочитанная съ усердіемъ нѣсколько разъ,

полезнѣе, чѣмъ скучные часы—безъ усердія, они не обращаютъ никакого вниманія на установленные каноническіе часы. Смиреніе и кротость — двѣ характеристическія особенности ихъ отвѣтовъ и вообще разговора. Словомъ, по наружности они ведутъ себя хорошо.“ [1] Что оставалось дѣлать папству, когда лоллардство подрывало въ корнѣ самыя основы папства, исторгало изъ него почву? Люди благомыслящіе изъ этого движенія вывели заключеніе о необходимости измѣнить, согласно современнымъ потребностямъ, смыслъ папства и его значеніе или, какъ говорили въ то время, преобразовать всю церковь во главѣ и членахъ ея. Соборы Пизскій, Констанцкій и Базельскій, отвергши крайности ультрамонтанства, провозгласили, что авторитету соборовъ должны подчиняться и папы, и, въ силу новаго для нихъ принципа, соборнѣ судили ихъ, низлагали, поставляли новыхъ папъ; начертали при этомъ программу для искорененія и другихъ злоупотребленій и, что особенно пріятно замѣтить, послѣ знаменитаго французскаго епископа Герсона, епископы англійскіе принимали въ ней непосредственное участіе. Можно было надѣяться, что съ новымъ строемъ жизни, какой предполага-

[1] См. истор. реформ. par Merle d'Aubigné Glasgow. 1855.

ли соборы, еслибъ только удалось имъ это, помирились бы, можетъ быть, и самые крайніе враги Рима того времени,—разумѣемъ виклефитовъ,—что, при новой постановкѣ папства, состоялось бы, можетъ быть, и соединеніе церквей (громадность плодовъ котораго несомнѣнна) на началахъ твердыхъ и прочныхъ, на основаніи обоюднаго и—главное—добровольнаго согласія на это обѣхъ сторонъ. Не такъ смотрѣло на виклефитовъ папство. Кромѣ ереси, самой безумной и пагубной, оно не видѣло въ нихъ ничего, и причину этой ереси находило только въ исконномъ врагѣ рода человѣческаго. Понятно, что, при такомъ самообольщеніи, мысль соборовъ о преобразованіи церкви во главѣ и членахъ казалась папству столько же дикою и дерзкою, сколько и безполезною. И потому римскій дворъ, благополучно покончивъ съ соборами, и наказавъ дерзкихъ посягателей на достоинство апостольскаго престола, сосредоточилъ все свое вниманіе на виклефитахъ, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ принялся за истребленіе ихъ, чѣмъ они были многочисленнѣе. Впрочемъ, и сами виклефиты въ своемъ движеніи и развитіи дошли до такихъ крайностей, что не могли быть терпимы ни папствомъ, ни соборами того времени, ни

англійскою церковію, ни даже государствомъ. Какъ ни благонамѣренно понималъ Виклефъ свое ученіе о бѣдности и о томъ, что только святость даетъ право на владѣніе богатствомъ, въ немъ все-таки проглядывалъ, хотя и благовидный, коммунизмъ, такъ что послѣдователи Виклефа, принявъ для себя за основаніе его начало, сдѣлались даже возмутителями общественнаго спокойствія. Потому-то, намъ кажется, противъ виклефитовъ и возстали такъ дружно даже соборы и свѣтская власть, которые не совсѣмъ благопріятствовали папѣ; этимъ-то мы объясняемъ и тѣ жестокости, которыя не могутъ быть достаточно объяснены ни однимъ личнымъ раздраженіемъ возставшихъ, ни грубостію нравовъ того времени. Прежде всего папство обратило вниманіе на сочиненія Виклефа. Еще въ 1837 году во многихъ мѣстахъ королевства поставлены были нарочитые коммиссіонеры, которымъ вмѣнено было въ обязанность розыскивать и отбирать сочиненія Виклефа съ его послѣдователями и представлять ихъ церковной власти. Запрещено кому бы то ни было даже защищать и поддерживать мнѣнія, высказанныя въ этихъ книжкахъ, и тѣмъ болѣе не дозволялось учить публичнымъ или частнымъ образомъ тому, чему

училъ Виклефъ. Книгъ его ни подъ какимъ видомъ не дозволялось ни держать у себя, ни списывать, ни покупать или продавать. Виновнымъ угрожали заключеніемъ въ тюрьму или конфискаціею имѣнія. Мало того: когда гоненіе на книги еретическія не достигло цѣли—уничтоженія ереси, папа прямо потребовалъ какъ отъ духовенства, такъ и отъ свѣтской власти, болѣе дѣйствительнаго содѣйствія себѣ и настаивалъ, чтобы еретики, во чтобы то ни стало, были истреблены, а ересь подавлена и искоренена. Папа тѣмъ болѣе могъ разсчитывать на содѣйствіе себѣ, что короли англійскіе, нуждаясь въ поддержкѣ политики своей римскимъ дворомъ, сами принимались за преслѣдованіе сектантовъ, какъ за одно изъ лучшихъ средствъ расположить папъ въ свою пользу. Въ этихъ видахъ Генрихъ IV издалъ законъ, по которому духовные могли проповѣдывать не иначе, какъ съ дозволенія своего епископа, а сходки или училища не могли быть допускаемы ни подъ какимъ видомъ. Еретическія книги должны быть возвращены въ теченіе сорока дней. Епископамъ снова предоставлялось право арестовать и даже пытать виновныхъ. А если бы и пытка не вынудила у кого либо отреченія отъ ереси, или не предохранила отъ

зараженія ересью, то епископы должны были предавать таковыхъ въ руки свѣтской власти для сожженія на видномъ мѣстѣ, на страхъ прочимъ. — Строгихъ исполнителей подобныхъ распоряженій, къ чести Англіи, нашлось не много; къ сожалѣнію, они не остались и мертвой буквою.[1] Въ 1408 году постановленіями повелѣвалось, чтобы отселѣ никто самъ по себѣ не осмѣливался переводить священнаго Писанія на англійскій языкъ или другой какой либо, и при этомъ запрещено было даже входить въ какія бы то ни было разсужденія объ ученіи, принятомъ римскою церковію, на томъ мнимомъ основаніи, что, какъ гласило предисловіе къ этому акту, папа имѣетъ ключи вѣчной жизни (и вѣчной истины), что онъ намѣстникъ истиннаго Бога на землѣ, которому ввѣрено управленіе царствомъ небеснымъ. Въ царствованіе Генриха V всѣ офицеры, при вступленіи въ службу, должны были подъ присягою давать обѣщаніе истребить лоллардовъ, во чтобы то ни стало. Въ 1428 году, вслѣдствіе опредѣленія констанцкаго собора и

[1] Въ началѣ XV столѣтія подвергнутъ былъ сожженію живымъ нѣкто Сотри, священникъ, за вольномысліе о предметахъ вѣры. Въ царствованіе Генриха VII пало еще нѣсколько жертвъ, по иниціативѣ этого изувѣра. Въ всякомъ случаѣ, какъ мы сказали, эти жестокости въ Англіи не были хроническими и постоянными.

по настоянію папы Мартина V, самыя кости Виклефа вырыты изъ могилы и преданы сожженію.

Само собою разумѣется, что ни эти усилія духовныхъ и свѣтскихъ властей къ подавленію Виклефитовъ, ни эти жестокія мѣры, принятыя противъ него, не привели къ желанному результату. Виклефитство существовало, даже, быть можетъ, развивалось; во всякомъ случаѣ не преслѣдованія и гнетъ, съ которыми вооружились на него, а его же собственные недостатки, его соціальныя и религіозныя крайности, попрепятствовали ему тогда же принять болѣе смѣлое направленіе, болѣе опредѣленную форму. Виклефитство существовало, какъ существовали причины, которыми оно было вызвано. Но самооболщенію папства невнятенъ былъ и этотъ урокъ. Оно и тутъ не хотѣло разстаться со всѣми притязаніями, и тутъ не могло уяснить себѣ знаменательной важности событій и снизойти до принятія благоразумныхъ совѣтовъ, которые, въ минуту озаренія, подало ему западное же епископство и законъ правды: неправда солга себѣ, вступивъ въ свои права: возмущеніе папы противъ авторитета православной вселенской церкви породило въ римской церкви протестантизмъ.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ привести, какъ образецъ толкованія папистами исторіи и значенія въ ней папства, слѣдующія классическія строки изъ оффиціальнаго римскаго журнала Civilta: „недостаточно, чтобы народъ зналъ, что папа есть глава церкви и епископовъ; народъ долженъ при этомъ понять, что его собственная вѣра, его собственная религіозная жизнь проистекаетъ изъ папы; въ немъ—связь между католиками, въ немъ и сила, которая ихъ оживляетъ; онъ раздаятель благодати Духа, распредѣлитель благъ, обѣщанныхъ религіею, стражъ правосудія, защитникъ угнетенныхъ. Но и это не все. Необходимо опровергать обвиненія, взведенныя на папство нечестивцами и протестантами; необходимо показать, что во всѣ времена папа и папство оказывали благо гражданскому обществу.“ Но исторія англійской церкви въ разсматриваемое нами время далеко не согласуется съ притязаніемъ папства на оказанныя имъ благодѣянія въ дѣлахъ вѣры и церкви. Папство, напротивъ, какъ всякій долженъ сознаться, мѣшало вѣрѣ быть понятою,—любимою. Допустить благодѣтельное вліяніе папства на гражданское общество Англіи не прочь и мы. Оно помогло междуплеменному сліянію расъ, уничтоженію раб-

ства, содѣйствовало просвѣщенію, умѣренію королевскаго деспотизма. Но кто не признаетъ также, что всѣ эти благодѣтельные результаты были то слѣдствіемъ папской тиранніи, то плодомъ огражденія одного сословія на счетъ другаго, и что тираннія и гнетъ иногда даже прямо и сознательно направлены были имъ для этихъ цѣлей. Но по Евангелію не такова философія добра, и папство, унизившись до принятія того, что цѣль оправдываетъ средства, можетъ ли сказать, что оно учрежденіе Божественное?!..

ПРИЛОЖЕНІЯ:

А.

Запись обычаевъ, сдѣланная при Генрихѣ II.

1. Если бы возникъ споръ между мірянами, либо между духовенствомъ и мірянами, относительно попечительства надъ церквами,—споръ этотъ вести и рѣшать въ королевскомъ судѣ.

2. Церкви, состоящія въ ленныхъ владѣніяхъ короля, не могутъ быть отданы на вѣчное владѣніе безъ его согласія.

3. Клирики, обвиняемые въ чемъ либо, въ случаѣ требованія королевскимъ судьею, должны являться къ нему въ судъ. Королевскій судья имѣетъ право слѣдить также за самымъ производствомъ дѣлъ въ церковныхъ судахъ, и даже пересматривать и перерѣшать ихъ, и церковь не должна долѣе оказывать покровительства тѣмъ изъ подсудимыхъ, которыхъ признаетъ виновными королевскій судья.

4. Запрещается духовнымъ сановникамъ выѣзжать изъ королевства безъ соизволенія, равно какъ безъ ручательства и удостовѣренія въ томъ, что, во время отлучки, они не причинятъ никакого вреда ни королю, ни королевству.

5. Отлученные могутъ предлагать залогъ, только какъ ручательство въ томъ, что они явятся къ церковному суду, но отнюдь не съ цѣлію купить себѣ этимъ разрѣшеніе.

6. Міряне могутъ быть обвиняемы предъ епископомъ только лицами честными и извѣстными своею нравственностію; иначе архидіаконъ лишится своихъ правъ производить судъ. И если не окажется ни одного подобнаго свидѣтеля противъ тѣхъ, на кого принесена жалоба, то виконту вмѣняется въ обязанность за-

свидѣтельствовать невинность означенныхъ лицъ показаніемъ десяти человѣкъ той же мѣстности.

7. Лица, непосредственно подчиненныя королю, не могутъ быть подвергнуты ни церковному отлученію, ни на имѣнія ихъ наложено запрещеніе, безъ предварительнаго о томъ извѣщенія короля или намѣстника, такъ какъ сторона поступка, касающаяся юрисдикціи короля, должна быть рѣшена непремѣнно въ королевскомъ судѣ, и только подсудная церкви можетъ быть предоставлена разбору и рѣшенію суда церковнаго.

8. При аппеляціяхъ должна быть соблюдаема сдѣдующая постепенность: отъ архидіакона къ епископу, отъ епископа къ архіепископу, отъ послѣдняго къ королю, для окончанія спорнаго дѣла, если король найдетъ это нужнымъ, въ томъ же архіепископскомъ судѣ, но не иначе, какъ по его повелѣнію, и безъ согласія его дѣло не можетъ быть перенесено еще въ какую либо инстанцію.

9. Если бы возникъ споръ между лицами духовнымъ и свѣтскимъ о томъ, что̀ ленъ и что̀ собственно пожертвованіе, — разногласіе это рѣшать великому судьѣ, по показанію двѣнадцати свидѣтелей. Если окажется, что оспариваемое имѣніе составляетъ пожертвованіе,— дѣло продолжать въ церковномъ судѣ; а если нѣтъ, то предъ судомъ королевскимъ. Впрочемъ, въ судъ королевскій дѣло поступаетъ только тогда, когда спорящія стороны зависятъ не отъ одного и того же епископа или барона,— а иначе рѣшеніе спорнаго дѣла предоставляется тому, въ чьемъ вѣдѣніи состоитъ владѣніе, безъ потери, до окончанія суда, самаго владѣнія.

10. Если бы кто изъ пользующихся преимущественно королевскимъ леномъ былъ позванъ къ церковному суду и не явился на призывъ,—на такого можетъ быть наложено только запрещеніе, но не отлученіе. Ослушавшійся можетъ быть, впрочемъ, и отлученъ, но не иначе, какъ только съ вѣдома королевскаго судьи.

11. Архіепископы, епископы и другіе сановники, получившіе владѣнія отъ короля, отъ короля и зависятъ, наравнѣ съ свѣтскими баронами: и тѣмъ и другимъ одинаково вмѣняется въ обязанность являться къ отвѣту передъ королевскимъ судьею или офицеромъ, блюсти обычаи и права короля, присутствовать, наравнѣ съ прочими баронами, въ судилищѣ королевскаго двора и участвовать даже въ произнесеніи смертнаго приговора, хотя бы это было четвертованіе.

12. Доходы съ имѣній, предоставленныхъ какой либо архіепископіи, епископіи или пріорству, но состоящихъ въ вѣдѣніи короля. — по смерти лицъ, занимавшихъ эти церковныя должности, должны идти королю до замѣщенія ваканцій. Забота объ ихъ замѣщеніи принадлежитъ самому королю: когда онъ найдетъ нужнымъ это замѣщеніе, оповѣщаетъ о томъ главныхъ лицъ и приглашаетъ ихъ явиться для избранія кандидата. Самое избраніе должно происходить въ его домовой церкви, съ его согласія и по совѣту особъ, приглашенныхъ къ участію въ избраніи. Избранный тутъ же, еще до посвященія, даетъ присягу на вѣрность королю, какъ его вассалъ, заявляетъ о своей готовности охранять его жизнь, члены и свѣтское достоинство.

13. Если бы кто, хотя бы даже и изъ первыхъ сановниковъ государства, не подчинился постановленному епископомъ или архидіакономъ справедливому рѣшенію относительно ихъ, — король обязывается принудить ихъ къ тому; съ своей стороны и епископы должны оказывать свое содѣйствіе въ подчиненіи королю непокорныхъ ему лицъ.

14. Церковь не будетъ удерживать движимости, принадлежавшей королевскимъ мятежникамъ, хотя бы она помѣщена была въ храмѣ или находилась на кладбищѣ.

15. Изслѣдованія по жалобѣ за долги производятся въ королевскомъ судѣ, будетъ ли согласно это съ предварительною присягою или нѣтъ.

16. Дѣти вотчинныхъ крестьянъ не должны быть посвящаемы въ санъ, безъ согласія помѣщика того имѣнія, въ которомъ они родились.

Ученіе римской церкви, въ XII вѣкѣ, о зачатіи пресвятой Дѣвы: „Quod si quis eam (Beatam Virginem) primae originis peccato non omnimode expertam fuisse pronunciat, cum illam ex legali conjugio maris et feminae conceptam verissime constet, sententia catholica est. Ego a catholicae et universalis Ecclesiae veritate nulla ratione volo dissentire. Patrologiae Cursus Completus per Migne T. 159, p. 305. А объ Ея успеніи Анзельмъ выразился такъ въ своемъ молитвенномъ обращеніи къ ней: O Virgo gloriosa, quae mortem subiisti, sed mortis nexibus deprimi non potuisti, quia tu sola virgo genuisti Eum, qui erat mors mortis et morsus inferni. Adjuva me per mortem tuam, et per gaudia tuae assumptionis in coelum, ut residuum vitae meae possim cum sin-

cera fide tuo adjutorio in confessione et poenitentia peccatorum meorum. Ibid. T. 158, col. 965.

Такъ смотрѣли на папство, и въ XV вѣкѣ, люди, нѣсколько возвысившіеся надъ понятіями времени. I. Ютербокъ, пріоръ ордена картезіанцевъ, прямо сказалъ, что „папы не хотятъ и не могутъ произвесть реформъ.“ De septem Ecclesiae statibus. Merle d' Aubigné, history of Reformation. Glasgow. 1855, vol. IV, p. 156. А слѣдующая выписка изъ узаконеній Эдуарда IV покажетъ намъ, какія широкія привиллегіи выманивало себѣ духовенство господствующей церкви въ то время, когда виклефитовъ вели на костеръ: Ex mero metu nostro (да полно, такъ ли?) concessimus, quod de caetero nullus justitiarus.... inquirat seu inquiri faciat de execssibus, feloniis, raptibus mulierum (значитъ и этотъ грѣхъ водился за духовными особами), proditionibus, aliisue quibuscunpue transgressionibus perpetratis seu perpetrandis, seu sic dicta perpetrata fuisse per aliquem vel aliquos, archiepiscopum... et clericos quoscunque iufra sacros ordines constitutos. Spelmani, Concilia, Decreta, Leges in re Ecclesiarum orbis Britannici, Lond. 1639.

Кромѣ поцитованныхъ сочиненій, мы обращались, по тому или другому вопросу, къ слѣдующимъ сочиненіямъ:

Historia Literaria etc. per Cave. Genevae. 1720.

Church history of Britain by Fuller. Oxford. 1845.

Church history of England bu Baxter. Lond. 1849.

Церк. исторіи Дюпэна.

Abregè de l'histoire ecclesiastique in 14 vol. Utrecht. 1750 и др.

English Writers by Morley. Lond. 1864.

2007042768